ТРИ ТОВАРИЩА

· Эрих Мария Ремарк ·

«Кто ничего не ждет, никогда не будет разочарован.
Вот хорошее правило жизни.
Тогда все, что придет потом, покажется вам
приятной неожиданностью».

Эрих Мария Ремарк

Эрих Мария Ремарк

Три товарища

«АСТ»

1970

Ремарк Э.

Три товарища / Э. Ремарк — «АСТ», 1970

ISBN 978-5-271-32051-4

Самый красивый в XX столетии роман о любви…Самый увлекательный в XX столетии роман о дружбе…Самый трагический и пронзительный роман о человеческих отношениях за всю историю XX столетия.

ISBN 978-5-271-32051-4

© Ремарк Э., 1970
© АСТ, 1970

Содержание

I 6
II 17
III 24
IV 32
V 40
VI 48
VII 59
VIII 64
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Эрих Мария Ремарк
Три товарища

Erich Maria Remarque
Drei Kameraden, 1936
© The Estate of the Late Paulette Remarque, 1937
© Перевод. И. Шрайбер, наследники, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

I

Небо было желтым, как латунь, и еще не закопчено дымом труб. За крышами фабрики оно светилось особенно ярко. Вот-вот взойдет солнце. Я глянул на часы. До восьми оставалось пятнадцать минут. Я пришел раньше обычного.

Я открыл ворота и наладил бензоколонку. В это время первые машины уже приезжали на заправку. Вдруг за моей спиной послышалось надсадное кряхтенье, будто под землей прокручивали ржавую резьбу. Я остановился и прислушался. Затем прошел через двор к мастерской и осторожно открыл дверь. В полумраке, пошатываясь, сновало привидение. На нем были испачканная белая косынка, голубой передник и толстые мягкие шлепанцы. Привидение размахивало метлой, весило девяносто килограммов и было уборщицей Матильдой Штосс.

С минуту я стоял и разглядывал ее. Переваливаясь на нетвердых ногах между радиаторами автомобилей и напевая глуховатым голосом песенку о верном гусаре, она была грациозна, как бегемот. На столе у окна стояли две бутылки коньяка – одна уже почти пустая. Накануне вечером она была не початa. Я забыл спрятать ее под замок.

– Ну, знаете ли, фрау Штосс… – вымолвил я.

Пение прекратилось. Метла упала на пол. Блаженная ухмылка на лице уборщицы погасла. Теперь привидением был уже я.

– Иисусе Христе… – с трудом пробормотала Матильда и уставилась на меня красными глазами. – Не думала я, что вы так рано заявитесь…

– Понятно. Ну а коньячок ничего?

– Коньяк-то хорош… но мне так неприятно. – Она вытерла ладонью губы. – Прямо, знаете, как обухом по голове…

– Не стоит преувеличивать. Просто вы накачались. Как говорится, пьяны в стельку.

Она едва удерживалась в вертикальном положении. Ее усики подрагивали, а веки хлопали, как у старой совы. Но вскоре она кое-как овладела собой и решительно сделала шаг вперед.

– Господин Локамп!.. Человек всего лишь человек… Сперва я только принюхивалась… потом не выдержала, сделала глоток… потому что в желудке у меня всегда, знаете ли, какая-то вялость… Вот… а потом… а потом, видать, бес попутал меня… И вообще – нечего вводить бедную женщину в искушение… нечего оставлять бутылки на виду.

Уже не впервые я заставал ее в таком виде. По утрам она приходила на два часа убирать мастерскую, и там можно было спокойно оставить сколько угодно денег, к ним она не прикасалась… А вот спиртное было для нее то же, что сало для крысы.

Я поднял бутылку.

– Коньяк для клиентов, вы, конечно, не тронули, а любимый сорт господина Кестера вылакали почти до дна.

Огрубевшее лицо Матильды исказилось гримасой удовольствия.

– Что правда, то правда… В этом я знаю толк. Но, господин Локамп, неужто вы выдадите меня, беззащитную вдову?

Я покачал головой:

– Сегодня не выдам.

Она опустила подоткнутый подол.

– Ладно, тогда улепетываю. А то придет господин Кестер… ой, не приведи Господь!

Я подошел к шкафу и отпер его.

– Матильда…

Она торопливо подковыляла ко мне. Я поднял над головой коричневую четырехгранную бутылку.

Она протестующе замахала руками:

– Это не я! Честно вам говорю! Даже и не пригубила!

– Знаю, – сказал я и налил полную рюмку. – А вы это когда-нибудь пробовали?

– Вопрос! – Она облизнулась. – Да ведь это ром! Выдержанный ямайский ром!

– Правильно. Вот и выпейте рюмку!

– Это я-то? – Она отпрянула от меня. – Зачем же так издеваться, господин Локамп? Разве можно каленым железом по живому телу? Старуха Штосс высосала ваш коньяк, а вы ей в придачу еще и ром подносите. Да вы же просто святой человек, именно святой… Нет, уж лучше пусть я умру, чем выпью!

– Значит, не выпьете?.. – сказал я и сделал вид, будто хочу убрать рюмку.

– Впрочем… – Она быстро выхватила ее у меня. – Как говорят, дают – бери. Даже если не понимаешь, почему дают. Ваше здоровье! А у вас, случаем, не день ли рождения?

– Да, Матильда. Угадали.

– Да что вы! В самом деле? – Она вцепилась в мою руку и принялась ее трясти. – Примите мои самые сердечные поздравления! И чтобы деньжонок побольше! – Она вытерла рот. – Я так разволновалась, что обязательно должна тяпнуть еще одну. Ведь вы мне очень дороги, так дороги – прямо как родной сын!..

– Хорошо.

Я налил ей еще одну рюмку. Она разом опрокинула ее и, прославляя меня, вышла из мастерской.

* * *

Я спрятал бутылку и сел за стол. Через окно на мои руки падали лучи бледного солнца. Все-таки странное это чувство – день рождения. Даже если он тебе, в общем, безразличен. Тридцать лет… Было время, когда мне казалось, что не дожить мне и до двадцати, уж больно далеким казался этот возраст. А потом…

Я достал из ящика лист бумаги и начал вспоминать. Детские годы, школа… Это было слишком давно и уже как-то неправдоподобно. Настоящая жизнь началась только в 1916 году. Тогда я – тощий восемнадцатилетний верзила – стал новобранцем. На вспаханном поле за казармой меня муштровал мужланистый усатый унтер: «Встать!» – «Ложись!» В один из первых вечеров в казарму на свидание со мной пришла моя мать. Ей пришлось дожидаться меня больше часа: в тот день я уложил свой вещевой мешок не по правилам, и за это меня лишили свободных часов и послали чистить отхожие места. Мать хотела помочь мне, но ей не разрешили. Она расплакалась, а я так устал, что уснул еще до ее ухода.

1917. Фландрия. Мы с Миддендорфом купили в кабачке бутылку красного. Думали попировать. Но не удалось. Рано утром англичане начали обстреливать нас из тяжелых орудий. В полдень ранило Кестера, немного позже были убиты Майер и Детерс. А вечером, когда мы уже было решили, что нас оставили в покое, и распечатали бутылку, в наши укрытия потек газ. Правда, мы успели надеть противогазы, но у Миддендорфа порвалась маска. Он заметил это слишком поздно и, покуда стаскивал ее и искал другую, наглотался газу. Долго его рвало кровью, а наутро он умер. Его лицо было зеленым и черным, а шея была вся искромсана – он пытался разодрать ее ногтями, чтобы дышать.

1918. Это было в лазарете. Несколькими днями раньше с передовой прибыла новая партия. Бумажный перевязочный материал. Тяжелые ранения. Весь день напролет въезжали и выезжали операционные каталки. Иногда они возвращались пустыми. Рядом со мной лежал Йозеф Штоль. У него уже не было ног, а он еще не знал об этом. Просто этого не было видно – проволочный каркас накрыли одеялом. Он бы и не поверил, что лишился ног, ибо чувствовал в них боль. Ночью в нашей палате умерло двое. Один – медленно и тяжело.

1919. Я снова дома. Революция. Голод. На улицах то и дело строчат пулеметы. Солдаты против солдат. Товарищи против товарищей.

1920. Путч. Расстрел Карла Брегера. Кестер и Ленц арестованы. Моя мама в больнице. Последняя стадия рака.

1921… Я напрасно пытался вспомнить хоть что-нибудь. Словно этого года вообще не было. В 1922-м я был железнодорожным рабочим в Тюрингии, в 1923-м руководил отделом рекламы фабрики резиновых изделий. Тогда была инфляция. Мое месячное жалованье составляло двести миллиардов марок. Деньги выплачивали дважды в день, и после каждой выплаты предоставлялся получасовой отпуск, чтобы обежать магазины и что-нибудь купить, пока не вышел новый курс доллара и стоимость денег не снизилась вдвое…

А потом?.. Что было в последующие годы? Я отложил карандаш. Стоило ли воскрешать все это в памяти? К тому же многое я просто не мог вспомнить. Слишком все перемешалось. Мой последний день рождения я отмечал в кафе «Интернациональ», где в течение года работал пианистом – должен был создавать у посетителей «лирическое настроение». Потом снова встретил Кестера и Ленца. Так я и попал в «Аврема» – «Авторемонтную мастерскую Кестера и К°». Под «К°» подразумевались Ленц и я, но мастерская, по сути дела, принадлежала только Кестеру. Прежде он был нашим школьным товарищем и ротным командиром; затем пилотом, позже некоторое время студентом, потом автогонщиком и, наконец, купил эту лавочку. Сперва к нему присоединился Ленц, который несколько лет околачивался в Южной Америке, а вслед за ним и я.

Я вытащил из кармана сигарету. В сущности, я мог быть вполне доволен. Жилось мне неплохо, я работал, силенок хватало, и я не так-то скоро уставал – в общем, как говорится, был здоров и благополучен. И все же не хотелось слишком много думать об этом. Особенно наедине с самим собой. Да и по вечерам тоже. Потому что время от времени вдруг накатывалось прошлое и впивалось в меня мертвыми глазами. Но для таких случаев существовала водка.

* * *

На дворе заскрипели ворота. Я разорвал листок с датами моей жизни и бросил клочки в корзинку. Дверь распахнулась настежь, и в ее проеме возник Ленц – длинный, худой, с гривой волос цвета соломы и носом, который подошел бы совсем другому человеку.

– Робби, – рявкнул он, – старый спекулянт! Ну-ка встать и стоять смирно! Начальство желает говорить с тобой!

– Господи Боже мой! – Я поднялся. – А я-то надеялся, что вы и не вспомните. Помилосердствуйте, ребята, прошу вас!

– Так легко от нас не отделаешься! – Готтфрид положил на стол пакет, в котором что-то здорово задребезжало. За ним вошел Кестер. Ленц встал передо мной во весь свой огромный рост.

– Робби, что тебе сегодня бросилось в глаза раньше всего другого?

– Танцующая старуха, – вспомнил я.

– Святой Моисей! Дурная примета! Но, знаешь ли, она в духе твоего гороскопа. Только вчера я его составил. Итак, рожденный под знаком Стрельца, ты человек ненадежный и колеблешься, как тростник на ветру. А тут еще эти подозрительные тригоны Сатурна. Да и Юпитер в этом году подкачал. Но поскольку мы с Отто вроде как твои отец и мать, то я первым преподношу тебе нечто для самозащиты. Возьми этот амулет. Когда-то я получил его от девы, чьими предками были инки. В ней текла голубая кровь, были у нее плоскостопие, вши и дар предсказывать будущее. «О, белокожий чужеземец, – сказала мне она, – этот талисман носили на себе короли, в нем заключены все силы Солнца, Земли и Луны, уж не говоря о более мелких

планетах. Дай доллар серебром на водку и бери его». И дабы не обрывались звенья счастья, я передаю его тебе, Робби.

С этим он надел мне на шею крохотную черную фигурку на тонкой цепочке.

– Вот так-то! Это против горестей высшего порядка. А от повседневных неприятностей вот – шесть бутылок рому. Их дарит тебе Отто! Этот ром вдвое старше тебя!

Он развернул пакет и одну за другой поставил бутылки на стол, залитый светом утреннего солнца. Бутылки сверкали, как янтарь.

– Великолепное зрелище, – сказал я. – И где ты их только раздобыл, Отто?

Кестер рассмеялся:

– Довольно путаная история. Долго рассказывать… Лучше скажи, как ты-то себя чувствуешь? Как тридцатилетний?

Я махнул рукой:

– Да вроде бы нет – чувство такое, будто мне шестнадцать и в то же время пятьдесят. В общем, хвалиться нечем.

– И это ты называешь «хвалиться нечем»! – возразил Ленц. – Да пойми ты – выше этого вообще ничего нет. Ведь ты без чьей-либо помощи, так сказать, суверенно, покорил время и проживешь целых две жизни.

Кестер внимательно смотрел на меня.

– Оставь его, Готтфрид, – сказал он. – Дни рождения ущемляют самолюбие человека. Особенно по утрам… Но ничего – постепенно он придет в себя.

Ленц сощурился.

– Чем меньше у человека самолюбия, Робби, тем большего он стоит. Тебя это утешает?

– Нет, – ответил я, – нисколько. Если человек чего-то стоит, значит, он уже как бы памятник самому себе. По-моему, это и утомительно, и скучно.

– Ты только подумай, Отто! Он философствует, – сказал Ленц. – Следовательно, он спасен. Он преодолел самое страшное – минуту безмолвия в собственный день рождения, когда человек заглядывает самому себе в глаза и внезапно обнаруживает, какой же он жалкий цыпленок… А теперь мы можем со спокойной совестью приступить к трудам праведным и смазать внутренности старого «кадиллака»…

* * *

Мы кончили работать, когда уже смеркалось. Затем умылись и переоделись. Ленц с вожделением смотрел на батарею бутылок.

– Не свернуть ли нам шею одной из них?

– Это должен решить Робби, – сказал Кестер. – Человек получил подарок, а ты к нему с такими прозрачными намеками. Некрасиво это, Готтфрид.

– А заставлять дарителей подыхать от жажды, по-твоему, красиво? – ответил Ленц и откупорил бутылку.

Сразу по всей мастерской разлился аромат рома.

– Святой Моисей! – воскликнул Готтфрид.

Мы стали принюхиваться.

– Не запах, а просто какая-то фантастика, Отто. Для достойных сравнений нужна самая высокая поэзия.

– Просто жалко распивать такой ром в этой конуре! – решительно заявил Ленц. – Знаете что? Поедем за город, там где-нибудь поужинаем, а бутылку прихватим с собой. Разопьем ее на природе.

– Блестящая мысль.

На руках мы откатили «кадиллак», с которым провозились почти весь день. За ним стоял довольно странный предмет на колесах. То была гордость нашей мастерской – гоночная машина Отто Кестера.

В свое время, попав на аукцион, Кестер по дешевке приобрел этот высокий старый драндулет. Знатоки без колебаний утверждали, что это был бы любопытный экспонат для музея истории транспорта. Больвис, владелец фабрики дамских пальто и гонщик-любитель, посоветовал Отто переделать эту штуку в швейную машину. Но Кестера все это ничуть не трогало. Он разобрал свое приобретение на части, словно часовой механизм, и несколько месяцев кряду ежедневно возился с ним дотемна. Как-то вечером подкатил на нем к бару, который мы обычно посещали. Больвис так расхохотался, что едва не свалился со стула, – детище Кестера по-прежнему выглядело крайне смешно. Чтобы позабавиться, Больвис предложил Отто пари – двести марок против двадцати, если тот рискнет на своей таратайке помериться силами с его новой спортивной машиной. Дистанция – десять километров, Кестер получает для своей машины фору в один километр. Отто согласился. Кругом стоял хохот – все предвкушали небывалую потеху. Но Кестер изменил условия состязания: он отказался от форы и с самым невозмутимым видом предложил повысить ставку до тысячи марок с обеих сторон. Больвис оторопел и спросил Отто, не отвезти ли его в дом для душевнобольных. Вместо ответа тот запустил двигатель. Оба сразу же тронулись с места, чтобы решить, кто – кого. Через полчаса Больвис вернулся с таким расстроенным видом, словно увидел морского змея. Молча он выписал чек и тут же стал выписывать второй – хотел, не сходя с места, купить эту старомодную машину. Но Кестер высмеял его. Теперь он не хотел расстаться с ней ни за какие деньги. Но как бы она ни была безупречна по своим техническим качествам, ее внешний вид все еще оставался страшноватым. Для каждодневного использования мы смонтировали какой-то особенно старомодный, прямо-таки допотопный кузов. Лак утратил блеск, крылья были в трещинах, а ветхий откидной верх прослужил никак не меньше десяти лет. Мы, конечно, могли бы придать машине куда более привлекательный вид, но по определенной причине сознательно не делали этого.

Машину мы назвали «Карл». «Карл» – призрак шоссейных дорог.

* * *

Шурша шинами и сопя, «Карл» мчался по дороге.

– Отто, – сказал я, – приближается жертва.

За нами нетерпеливо ревел клаксон тяжелого «бьюика». Он быстро нагнал нас, радиаторы поравнялись. Мужчина за рулем небрежно глянул на нас. Затем презрительно скользнул взглядом по обшарпанному «Карлу», тут же отвернулся и, казалось, забыл о нашем существовании.

Но через несколько секунд ему пришлось убедиться, что «Карл» все еще идет с ним вровень. Он уселся поудобнее, с веселым любопытством снова посмотрел на нас и прибавил газу. Но «Карл» не сдавался. Словно терьер рядом с догом, маленький и юркий, он стремительно несся вперед, не отставая от здоровенной махины, сверкающей лаком и хромом.

Мужчина покрепче ухватился за баранку. Не подозревая, что его ждет, он надменно скривил губы. Мы поняли – теперь он нам покажет, на что способна его колымага. Он с такой силой нажал на педаль газа, что его выхлопная труба заверещала, точно стая жаворонков над летним полем. Но все было напрасно – он не мог оторваться от нас. Неказистый, пожалуй, даже уродливый «Карл» как заколдованный прилепился к «бьюику». Его ошеломленный водитель вытаращился на нас. Ему было невдомек, как это при скорости свыше ста километров в час невозможно стряхнуть с себя этакое старье. Не веря глазам своим, он еще раз посмотрел на спидометр, видимо, усомнившись в точности его показаний. Затем пошел на всю железку.

Теперь обе машины неслись ноздря в ноздрю по длинному прямому шоссе. Через несколько сотен метров показался шедший навстречу грохочущий грузовик. «Бьюику» пришлось отстать. Едва он опять поравнялся с «Карлом», как мы увидели другую встречную машину – на сей раз автокатафалк с венками, обвитыми развевающимися лентами. «Бьюик» вновь пристроился нам в хвост. А потом, насколько хватало глаз, – ничего встречного.

И куда только подевалась спесь нашего соперника! Злобно сжав губы, плотно усевшись за рулем и захваченный азартом гонки, он подался вперед. Казалось – честь всей его жизни зависит от одного: ни за что не уступить этой жалкой шавке.

Мы же, напротив, притворяясь безразличными ко всему, сидели спокойно. «Бьюик» для нас просто не существовал. Кестер невозмутимо смотрел вперед, на шоссе, я со скучающим видом уставился куда-то в небо, а Ленц, хотя он внутренне и сжался в комок, достал газету и принялся якобы читать ее, да еще с таким интересом, словно в эту минуту ничто не могло быть для него важнее.

Через две-три минуты Кестер нам подмигнул. «Карл» незаметно терял скорость, и «бьюик» стал медленно обходить его. Вот перед нашими глазами проплыли широкие блестящие крылья. Синеватый отработанный газ, шумно вырывавшийся из выхлопной трубы, обдал нас. Постепенно «бьюик» ушел метров на двадцать вперед, и – как можно было предвидеть – его хозяин на мгновение высунулся из окна и, повернувшись к нам лицом, победоносно ухмыльнулся.

Но он позволил себе лишнее. Не в силах сдержать ощущение полнейшего торжества, он махнул нам рукой – дескать, попробуйте догоните!

Взмах его руки был небрежным, самоуверенным.

– Отто! – призывно воскликнул Ленц.

Но это было ни к чему. В ту же секунду «Карл» рванулся вперед. Засвистел компрессор, и сразу же исчезла только что махавшая нам рука. Послушный посылу, «Карл» набавлял скорость, и удержать его уже не могло ничто, он наверстывал все сполна. И вот тут-то мы как бы впервые заметили этот чужой автомобиль. С невинно вопрошающим видом мы смотрели на мужчину за рулем. Нам просто хотелось узнать, зачем это он махал нам рукой. Но он судорожно вперил взор вдаль, а перепачканный «Карл», распластав свои потрескавшиеся крылья, на полном газу ушел далеко вперед – непобедимый замарашка!

– Здорово получилось, Отто, – сказал Ленц Кестеру. – Боюсь, этот тип будет сегодня ужинать без всякого удовольствия.

Вот ради таких гонок мы и не меняли кузов «Карла». Стоило ему появиться где-нибудь на шоссе, как тут же находился охотник обставить его. На иные машины он действовал как ворона с подбитым крылом на свору изголодавшихся кошек. Он приводил в состояние сильнейшего возбуждения водителей самых мирных семейных автоэкипажей. Всем хотелось его обогнать. Даже самые солидные бородачи, отцы семейств, и те попадали под власть неодолимого честолюбия, когда перед ними, подпрыгивая и спотыкаясь на ухабах, двигалось это нечто на колесах. Никто из них не мог додуматься, что внутри смехотворного сооружения бьется великое сердце – отличный гоночный двигатель!

Ленц утверждал, что «Карл» играет чисто воспитательную роль. Он учит людей чтить творческое начало, которое всегда заключено в неприметной оболочке. Так рассуждал Ленц, который и о себе говорил, что он – последний из романтиков.

* * *

Мы остановились перед небольшой ресторацией и вылезли из машины. Стоял прекрасный тихий вечер. Борозды вспаханного поля с золотисто-коричневыми краями отливали фиолетовыми оттенками. На яблочно-зеленом небе, словно огромные фламинго, плыли облака,

нежно оберегая мелькавший между ними молодой месяц. На ветках куста орешника было какое-то предощущение утренней зари. Орешник был трогательно наг, но полон надежд на близящееся набухание почек. Из кухни доносился аромат жареной печенки. И еще – запах жареного лука. Наши сердца забились сильнее.

Ленц не выдержал и ворвался в дом. Вскоре он вернулся с просветленным лицом.

– Посмотрели бы вы на этот жареный картофель! Давайте поторопимся, а то, чего доброго, прозеваем самый смак!

В эту минуту с легким гудением подъехала еще одна машина. Мы застыли, словно пригвожденные. Это был тот самый «бьюик». Он резко затормозил около «Карла».

– Оп-ля! – воскликнул Ленц.

Из-за подобных приключений у нас уже была не одна драка.

Мужчина вышел из автомобиля. Это был рослый и грузный человек в просторном реглане из верблюжьей шерсти. Он с досадой покосился на «Карла», затем снял плотные желтые перчатки и подошел к нам. Лицо его напоминало маринованный огурец.

– Что это у вас за модель? – спросил он Кестера, который стоял к нему ближе.

С минуту мы молча смотрели на него. Видимо, он принял нас за каких-то автомехаников, которые, нарядившись в воскресные костюмы, решили прокатиться на угнанной машине.

– Вы что-то сказали? – спросил Отто, как бы не решаясь намекнуть ему, что можно быть и повежливее.

Мужчина покраснел.

– Я просто спросил про эту машину, – буркнул он в том же тоне.

Ленц выпрямился. Его крупный нос вздрогнул. Он очень ценил вежливость в других. Но прежде чем он успел раскрыть рот, вдруг, словно по мановению какого-то духа, отворилась вторая дверца «бьюика». Из нее высунулась стройная ножка с узким коленом, а затем вышла девушка и медленно направилась к нам. Мы удивленно переглянулись. До этого мы и не замечали, что в «бьюике» был еще кто-то. Ленц мгновенно перестроился. Его веснушчатое лицо расплылось в широкой улыбке. Да и все мы – бог знает почему – заулыбались.

Толстяк озадаченно глядел на нас. Он потерял самообладание и явно не знал, как себя вести.

– Биндинг, – наконец, полупоклонившись, представился он, словно мог уцепиться за свою фамилию, как за якорь спасения.

Теперь девушка стояла вплотную к нам, и мы стали еще приветливее.

– Да покажи ты ему машину, Отто, – сказал Ленц, бросив торопливый взгляд на Кестера.

– А почему бы и нет, – ответил Отто и весело улыбнулся.

– Я и в самом деле с удовольствием посмотрю на нее, – уже примирительно проговорил Биндинг. – Чертовски скоростная машина. Как это вы запросто обштопали меня!

Оба ушли к стоянке, где Кестер поднял капот «Карла».

Девушка не последовала за ними. Стройная и безмолвная, она стояла в сумерках рядом с Ленцем и со мной. Я ожидал, что Ленц воспользуется случаем и с ходу взорвется, как бомба. Он был создан как раз для таких ситуаций. Но он словно лишился дара речи и, вместо того чтобы затоковать, как тетерев, стоял, как монах ордена кармелитов, и не мог пошевельнуться.

– Простите нас, пожалуйста, – сказал я наконец. – Мы не заметили вас в машине. Иначе наверняка не стали бы так глупить.

Девушка посмотрела на меня.

– А почему бы и не поглупить? – спокойным, неожиданно глуховатым голосом ответила она. – Не так уж это было страшно.

– Не страшно, конечно, но и не так уж прилично. Ведь наша машина развивает около двухсот в час.

Она слегка подалась вперед и засунула руки в карманы пальто.

– Двести километров?

– Ровно сто девяносто восемь и две десятых, официально установлено, – с гордостью, точно выпалил из пистолета, объявил Ленц.

Она рассмеялась:

– А мы-то думали, что ваш потолок – шестьдесят, семьдесят.

– Видите ли, – сказал я, – этого вы просто не могли знать.

– Нет, конечно, – сказала она, – этого мы действительно не могли знать. Мы думали, что «бьюик» вдвое быстрее вашей машины.

– Понятно. – Я отбросил ногой валявшуюся ветку. – Но, как видите, у нас было очень большое преимущество. Господин Биндинг, надо думать, здорово разозлился на нас.

Она рассмеялась:

– На какое-то мгновение, вероятно, да. Но ведь надо уметь и проигрывать. Иначе как же жить?

– Разумеется.

Возникла пауза. Я посмотрел в сторону Ленца. Но последний романтик только ухмыльнулся, повел носом и не стал выручать меня. Где-то за домом закудахтала курица.

– Прекрасная погода, – проговорил я наконец, чтобы как-то нарушить молчание.

– Да, чудесная, – ответила девушка.

– И такая мягкая, – добавил Ленц.

– Просто необыкновенно мягкая, – дополнил я его мысль.

Возникла новая пауза. Девушка, видимо, считала нас законченными кретинами. Но при всем желании ничего более умного я придумать не мог.

Вдруг Ленц стал принюхиваться.

– Печеные яблоки, – сказал он с чувством. – Похоже, к печенке нам подадут еще и печеные яблоки. Какой деликатес!

– Несомненно! – согласился я, мысленно проклиная и себя и его.

* * *

Кестер и Биндинг вернулись. За эти несколько минут Биндинг стал совсем другим человеком. Видимо, он принадлежал к категории автоидиотов, которые испытывают абсолютное блаженство, если где-нибудь встречают специалиста, с которым могут всласть наговориться на любимую тему.

– Не поужинать ли нам всем вместе? – спросил он.

– Само собой разумеется, – ответил Ленц.

Мы пошли в зал. В дверях Готтфрид, подмигнув мне, кивком головы указал на девушку:

– Считай, что ты стократ вознагражден за утреннюю пляшущую старуху.

Я пожал плечами:

– Может, оно и так. Но почему ты не выручил меня, когда я стоял перед ней, точно какой-то заика?

Он рассмеялся:

– Надо чему-то научиться и тебе, дитя мое!

– Нет у меня охоты учиться еще чему-нибудь, – сказал я.

Мы последовали за остальными. Они уже сидели за столом. Хозяйка как раз внесла дымящуюся печенку с жареным картофелем. Кроме того, в качестве прелюдии она поставила перед нами большую бутылку пшеничной водки.

Биндинг извергал потоки слов – прямо какой-то неумолчный водопад. Впрочем, он удивил нас своей осведомленностью по части автомобилей. Когда же он узнал, что Кестер вдобавок ко всему еще и автогонщик, его восторг перед Отто возрос до беспредельности.

Я повнимательнее пригляделся к нему. Это был тяжелый, крупный мужчина с густыми бровями и красным лицом; чуть хвастливый, чуть шумливый и, вероятно, добродушный, как и все, кому сопутствует успех. Я вполне мог себе представить, как вечером, перед отходом ко сну, он серьезно, с достоинством и уважением разглядывает себя в зеркале.

Девушка сидела между Ленцем и мной. Она сняла с себя пальто и осталась в сером костюме английского покроя. На шее у нее была белая косынка, похожая на шарф амазонки. При свете люстры ее каштановые шелковистые волосы мерцали янтарными отблесками. Очень прямые плечи слегка выдавались вперед, узкие руки казались непомерно длинными и, пожалуй, скорее костистыми, а не мягкими. Большие глаза придавали узкому и бледному лицу выражение какой-то страстной силы. На мой вкус, она выглядела просто очень хорошо, но я нисколько над этим не задумывался.

Зато Ленц превратился в огонь и пламя. Его нельзя было узнать – настолько он преобразился. Золотистая копна волос блестела, как хохолок удода. Из него так и вырывался искрометный фейерверк острот. За столом царили двое – он и Биндинг. А я только при сем присутствовал и мало чем мог обратить на себя внимание – разве что передать какое-нибудь блюдо, или предложить сигарету, или чокнуться с Биндингом. Это я делал довольно часто. Вдруг Ленц хлопнул себя по лбу:

– Ну-ка, Робби, притащи наш ром! Ведь он заветный – припасен для дня рождения!

– Для дня рождения? А у кого это день рождения? – спросила девушка.

– У меня, – сказал я. – Меня и так уж весь день преследуют из-за этого.

– Преследуют? Вы что же – не хотите, чтобы вас поздравляли?

– Нет, хочу, – сказал я. – Поздравлять – это совсем другое.

– Ну, тогда всего вам самого хорошего!

Секунду я держал ее руку в своей и чувствовал ее теплое сухое пожатие. Потом пошел за ромом. Небольшой загородный ресторан стоял посреди огромной безмолвной ночи. Кожаные сиденья нашей машины были влажны. Я стоял и смотрел на горизонт, где небо окрасилось красноватым заревом города. Я охотно стоял бы так еще и еще, но Ленц уже звал меня.

Биндингу ром пришелся не по нутру. Это стало заметно уже после второй рюмки. Пошатываясь, он пошел в сад. Я встал и вместе с Ленцем направился к стойке. Он потребовал бутылку джина.

– Изумительная девушка, тебе не кажется? – спросил он.

– Не знаю, Готтфрид, – ответил я. – Я не присматривался к ней.

Он пристально посмотрел на меня своими лучистыми голубыми глазами, затем покачал разгоряченной от хмеля головой:

– Зачем же ты, собственно, живешь, детка?

– Сам уже давно хочу это понять, – ответил я. Он рассмеялся:

– Мало ли чего ты хочешь! Так просто этого никому не понять… А я пойду и попробую разведать, что там между ними – между этой девушкой и этим толстым автомобильным каталогом.

Он пошел в сад за Биндингом. Вскоре они оба вернулись к стойке. Видимо, полученная информация оказалась благоприятной, и, полагая, что путь перед ним открыт, Ленц с возрастающим восторгом стал обхаживать Биндинга. Они распили еще одну бутылку джина и через час перешли на ты. Уж коли на Ленца находило хорошее настроение, он делался таким неотразимым, что противостоять ему было нельзя. Тут он и сам не мог бы устоять против себя. Теперь же он окончательно покорил Биндинга и уволок его в беседку, где оба принялись распевать солдатские песни. Увлеченный пением, последний романтик начисто забыл про девушку.

* * *

В зале трактира остались только мы трое. Почему-то вдруг наступила полная тишина. Только раздавалось тиканье шварцвальдских ходиков с кукушкой. Хозяйка наводила порядок и по-матерински поглядывала на нас. На полу около печки растянулась рыжая охотничья собака. Иногда она взвизгивала во сне – тихо, высоко и жалобно. За окном проносились легкие порывы ветра. Их заглушали обрывки солдатских песен, и мне почудилось, будто этот небольшой зал вместе с нами поднимается куда-то вверх и парит сквозь ночь и годы, мимо нескончаемых воспоминаний.

Я впал в какое-то удивительное состояние. Время словно исчезло. Оно перестало быть потоком, вытекающим из мрака и вливающимся в него. Оно превратилось в озеро, в котором беззвучно отражается жизнь. Я взял свою рюмку с искрящимся ромом. Подумал о листке, который утром с грустью исписал в мастерской. Теперь грусть прошла, и казалось – все безразлично, лишь бы быть живым. Я посмотрел на Кестера. Он говорил с девушкой, но я не обращал внимания на его слова. Я ощущал нежный блеск первого хмеля. Он горячил кровь и нравился мне потому, что любую неопределенность облекал в иллюзию какого-то приключения. Где-то в беседке Ленц и Биндинг пели песню про Аргоннский лес. А рядом со мной слышались слова незнакомой девушки. Она говорила тихо и медленно своим низким, будоражащим и чуть хрипловатым голосом. Я допил свою рюмку.

Ленц и Биндинг снова присоединились к нам. На свежем воздухе они слегка протрезвели. Настало время собираться в обратный путь. Я подал девушке пальто. Она стояла передо мной, расправив плечи и откинув назад голову, с полураскрытыми губами и никому не адресованной улыбкой, обращенной куда-то вверх. И вдруг я на мгновение невольно опустил ее пальто. Где же все время были мои глаза? Спал я, что ли? Теперь я понимал восхищение Ленца.

Полуповернувшись, она вопросительно посмотрела на меня. Я быстро приподнял ее пальто и тут заметил Биндинга, который все еще стоял у стола, красный как рак и в каком-то оцепенении.

– По-вашему, он сможет повести машину? – спросил я.

– Думаю, сможет…

Я продолжал смотреть на нее.

– Если он недостаточно уверен, то с вами может поехать кто-нибудь из нас.

Она достала пудреницу и открыла ее.

– Да уж как-нибудь доедем, – сказала она. – После выпивки он водит намного лучше.

– Лучше, но, вероятно, менее осторожно, – ответил я.

Она посмотрела на меня поверх своего маленького зеркальца.

– Что ж, будем надеяться, – сказал я.

Мои опасения были преувеличены, Биндинг довольно прилично держался на ногах. Но мне не хотелось так просто отпустить ее.

– Нельзя ли мне завтра позвонить вам и узнать, как все получилось? – спросил я.

Она не сразу ответила.

– Ведь мы несем какую-то долю ответственности за эту пирушку, – продолжал я. – Особенно я со своим днем рождения и ромом.

Она рассмеялась:

– Ну ладно, если хотите. Вестен 27-96.

Выйдя на воздух, я записал номер. Мы посмотрели, как отъехал Биндинг, и выпили еще по рюмке. Затем взревел мотор нашего «Карла», и мы понеслись сквозь легкий мартовский туман. Сверкая огнями, город надвигался на нас в зыбкой дымке, и наконец из клочьев тумана, словно освещенный пестрый корабль, выпростался бар «Фредди». «Карл» встал на

якорь. В баре золотисто отсвечивал коньяк, джин переливался, как аквамарин, а ром был как сама жизнь. Словно налитые свинцом, мы недвижно восседали за стойкой бара. Плескалась какая-то музыка, и бытие наше было светлым и сильным. Оно мощно разлилось в нашей груди, мы позабыли про ожидавшие нас беспросветно унылые меблированные комнаты, забыли про отчаяние всего нашего существования, и стойка бара преобразилась в капитанский мостик корабля жизни, на котором мы шумно врывались в будущее.

II

Назавтра было воскресенье. Я долго спал и проснулся, когда солнце осветило мою постель. Я быстро вскочил на ноги и распахнул окно. Стоял прозрачный прохладный день. Я поставил спиртовку на табурет и стал искать банку с кофе. Фрау Залевски – моя хозяйка – разрешила мне готовить кофе в комнате. Ее кофе был жидковат и не устраивал меня, особенно после выпивки накануне.

В пансионе фрау Залевски я пребывал уже целых два года. Район пришелся мне по вкусу. Здесь всегда что-то происходило, потому что дом профсоюзов, кафе «Интернациональ» и зал собраний Армии спасения стояли вплотную друг к другу. Вдобавок перед моим домом расстилалось старое, давно уже заброшенное кладбище. Оно заросло деревьями, словно парк, и в тихие ночи могло показаться, что все это где-то далеко за городом. Но тишина воцарялась поздно – рядом с кладбищем грохотал луна-парк с каруселями и качелями.

Что касается фрау Залевски, то кладбище определенно давало ей дополнительный доход. Ссылаясь на чистый воздух и приятный вид, она взимала со своих постояльцев повышенную плату. А стоило кому-то на что-то пожаловаться, как она неизменно отвечала: «Но позвольте, господа! Подумайте, какое тут местоположение!»

* * *

Одевался я не торопясь. Это помогало мне полнее ощущать воскресенье. Я умылся, походил по комнате, полистал газету, вскипятил кофе, постоял у окна и посмотрел, как поливают мостовую, послушал пение птиц на высоких кронах кладбищенских деревьев, и казалось, будто какие-то крохотные дудочки самого Господа Бога нежно заливаются под аккомпанемент негромкого и сладостного урчания меланхолических шарманок, расставленных у аттракционов луна-парка.

Я долго выбирал рубашку и носки, делая это так, точно у меня их было раз в двадцать больше, затем, насвистывая, опустошил карманы костюма: мелочь, перочинный нож, ключи, сигареты – и вдруг вчерашний листок с именем девушки и номером телефона. Патриция Хольман. Странное имя – Патриция. Я положил бумажку на стол. Неужто это было только вчера, а не давным-давно? Разве это не потонуло в серебристо-жемчужном угаре опьянения? Какая все-таки удивительная штука выпивка! Пока ты пьешь, у тебя накапливаются разные мысли, ты сосредоточиваешься. А пройдет ночь, и возникают какие-то провалы, и думается – да ведь с тех пор прошла целая вечность!

Я переложил бумажку на стопку книг. Позвонить ей? Может, да, а может, и не стоит. Днем все выглядит иначе, чем вечером. Моя спокойная жизнь, в общем, вполне устраивала меня. За последние годы было предостаточно всякого шума и суеты. «Ты только никого не подпускай к себе близко, – говаривал Кестер, – а подпустишь – захочешь удержать. А удержать ничего нельзя…»

В эту минуту в смежной комнате, как всегда, началась утренняя воскресная перебранка. Я поискал глазами шляпу, которую вчера вечером, вероятно, где-то оставил, и невольно прислушался. Жившие за стеной супруги Хассе яростно укоряли друг друга. Уже пять лет они снимали здесь небольшую комнату. В сущности, это были неплохие люди. Будь у них трехкомнатная квартира с кухней для жены да еще и ребенок в придачу, их брак, надо думать, остался бы вполне благополучным. Но такая квартира стоила немалых денег. А заводить ребенка в эти шаткие времена – кто себе мог это позволить…

Так они и теснились вдвоем, жена превратилась в истеричку, а муж, опасаясь лишиться своего скромного места, жил в постоянном страхе. И в самом деле – увольнение было бы для него полной катастрофой. Остаться без работы в сорок пять лет – значит уже нигде не устроиться. В этом и заключался весь ужас его положения. Прежде, случалось, люди медленно шли ко дну, но у них все же оставался какой-то шанс вынырнуть. Теперь же за каждым увольнением зияла пропасть вечной безработицы.

Я уже было решил незаметно выбраться из пансиона, но раздался стук в дверь, и Хассе, споткнувшись, ввалился ко мне. С тяжким вздохом он опустился на стул.

– Больше не могу…

По сути, это был добросердечный человек с покатыми плечами и усиками. Скромный, исполнительный служака. Но именно таким, как он, теперь было особенно трудно. Скромность и добросовестность вознаграждаются только в романах. В жизни же подобные качества, пока они кому-то нужны, используются до конца, а потом на них просто плюют.

Хассе развел руками.

– Вы только представьте себе – в моей конторе уволили еще двоих. Следующим буду я, вот увидите!

В этом страхе он жил уже не первый месяц. Я налил ему рюмку водки. Он исходил мелкой дрожью, и было видно – недалек день, когда его нервы сдадут окончательно. Он не знал, что еще добавить к сказанному.

– И потом, эти нескончаемые упреки, – наконец пролепетал он.

Видимо, супруга не могла ему простить свое безрадостное существование. Ей было сорок два года. Уже несколько обрюзгшая и поблекшая, она все же не выглядела настолько потрепанной, как ее супруг. Она панически боялась близящейся старости.

Не имело никакого смысла вмешиваться в их дела.

– Послушайте, Хассе, – сказал я, – мне нужно уйти, а вы посидите здесь, сколько захотите. Вот ром. Если предпочитаете коньяк – найдете его в шкафу. Вот газеты. А попозже возьмите жену и вытащите ее из вашей конуры. Сводите ее, например, в кино. Это не дороже, чем посидеть час-другой в кафе. А толку больше! Уметь забыться – вот девиз сегодняшнего дня, а бесконечные раздумья, право же, ни к чему!

С не очень чистой совестью я похлопал его по плечу. Хотя, с другой стороны, кино – это всегда выход из положения. Там каждый может о чем-то помечтать.

Дверь в соседнюю комнату была открыта. Оттуда доносились всхлипывания жены Хассе. Я пошел по коридору. Следующая дверь была слегка приоткрыта. Там подслушивали. Сквозь просвет шел запах духов. Здесь жила Эрна Бениг – чья-то личная секретарша. Одевалась она куда шикарнее, чем могло бы ей позволить скромное жалованье. Но было известно, что раз в неделю шеф диктовал ей до утра. Весь следующий день она проводила в очень дурном расположении духа. Зато каждый вечер ходила на танцы. Если не танцевать, так и жить-то незачем, говорила она. Были у нее два поклонника. Один любил ее и дарил ей цветы. Другого любила она и давала ему деньги.

Комнату рядом с ней занимал ротмистр граф Орлов, русский эмигрант, кельнер, статист на киностудии, жиголо с поседевшими висками. Великолепный гитарист. Ежевечерне он молился Казанской Богоматери, испрашивая у нее должность администратора в каком-нибудь отеле средней руки. Напившись, пускал слезу.

Следующая дверь – фрау Бендер, медсестра в приюте для младенцев. Пятьдесят лет. Муж погиб на войне. В 1918 году ее двое детей умерли с голоду. Единственное, что осталось, – пестрая кошка.

Рядом с ней – Мюллер, бухгалтер-пенсионер. Письмоводитель какого-то союза филателистов. Живая коллекция марок, больше ничего. Счастливый человек.

Дойдя до последней двери, я постучал.

– Георг, как дела? – спросил я. – Все еще без перемен?

Георг Блок покачал головой. Он был студентом второго курса. Чтобы осилить плату за учение, он два года проработал на руднике. Теперь его сбережения были почти полностью израсходованы. Денег у него оставалось месяца на два. Вернуться на рудник он не мог: там и без него хватало безработных горняков. Всеми способами он пытался заработать хоть что-нибудь. Целую неделю ему удалось распространять рекламные объявления маргаринового завода. Но завод обанкротился. Вскоре он устроился на должность разносчика газет и уже было вздохнул свободной грудью. Через три дня на рассвете его остановили двое неизвестных в форменных редакционных фуражках, отняли у него газеты, разорвали их в клочья и посоветовали оставить профессию, к которой он не имеет никакого отношения. У них, мол, и без него немало безработных. И хотя ему пришлось заплатить за разорванные газеты, он, несмотря ни на что, на следующее утро опять вышел на работу. Его сшиб с ног какой-то велосипедист, газеты полетели в грязь. Это ему обошлось в две марки. Он вышел в третий раз и вернулся домой в изодранном костюме и с разбитым лицом. Пришлось сдаться. Теперь, впав в отчаяние, он безвылазно сидел в своей комнате и до одури зубрил, словно это еще имело какой-то смысл. Питался только один раз в сутки. И было уже не важно, сдаст ли он экзамены за оставшиеся семестры. Даже в случае успеха рассчитывать на какую-то работу он мог лишь лет через десять, никак не раньше.

Я дал ему пачку сигарет.

– Пошли ты все это к чертям собачьим, Джорджи. Именно так поступил я. А начать все сначала сможешь и потом.

Он покачал головой:

– Не то ты говоришь. Еще тогда, после рудника, я понял: заниматься надо каждый Божий день, а то выбьешься из колеи. По второму разу мне этого не сдюжить.

Бледное лицо с оттопыренными ушами, близорукие глаза, щуплое тело, впалая грудь… Вот ведь проклятие, черт побери!

– Ладно, Джорджи, всего!..

Вдобавок ко всему он еще был круглым сиротой.

Кухня. Чучело кабаньей головы – память о покойном господине Залевски. Телефон. Полумрак. Пахнет газом и скверным жиром. На входной двери, у кнопки звонка, много визитных карточек. И моя тоже – пожелтевшая и вся в пятнах: «Роберт Локамп. Студ. фил. Два продолжительных». Студ. фил.! Подумаешь, важная птица!.. Все это было давно…

Я спустился по лестнице и направился в кафе «Интернациональ». Оно представляло собой довольно большой темный и закопченный продолговатый зал со множеством задних комнат. На переднем плане, у стойки, стояло пианино. Инструмент был сильно расстроен, несколько струн лопнуло, на добром десятке клавиш не хватало костяных накладок. И все-таки я был привязан к этому честному и заслуженному «музыкальному мерину», как его здесь называли. С ним меня связывал целый год жизни, когда я работал в «Интернационале» пианистом для «создания настроения».

В задних комнатах происходили совещания скототорговцев, иногда здесь собирались владельцы аттракционов.

Впереди, невдалеке от входа, сидели проститутки.

Кафе было пусто, если не считать плоскостопого кельнера Алоиса, стоявшего за стойкой.

– Тебе как обычно? – спросил он.

Я кивнул. Он принес мне бокал портвейна пополам с ромом. Я сел за столик и бездумно уставился в стенку. Сквозь запыленное оконное стекло косо падал серый луч солнца. Он путался среди бутылок с пшеничной водкой, расставленных на многоярусном полукруглом стеллаже. Словно рубин, рдел шерри-бренди.

Алоис ополаскивал рюмки и бокалы. Хозяйская кошка примостилась на пианино и мурлыкала. Я не спеша покуривал сигарету. От теплого неподвижного воздуха я стал клевать

носом. Странный все-таки голос был у этой вчерашней девушки. Низкий, чуть грубоватый, почти хриплый и все-таки мягкий.

– Дай-ка мне, Алоис, какие-нибудь иллюстрированные журналы.

Тут скрипнула дверь, и вошла Роза, кладбищенская проститутка по прозвищу Железная Кобыла. Ее назвали так за редкостную неутомимость в работе. Роза заказала себе чашку шоколада – роскошь, которую она позволяла себе во всякое воскресное утро. Выпив шоколад, она отправлялась в Бургдорф навестить своего ребенка.

– Привет, Роберт!

– Привет, Роза! Как твоя малышка?

– Вот собралась к ней. Глянь, что я ей везу.

Она достала из пакета румяную куклу и нажала на ее живот.

«Ма-ма», – проверещала кукла. Роза сияла.

– Замечательно! – сказал я.

– Нет, ты только посмотри. – Она опрокинула куклу назад. С легким щелчком кукольные глазки сомкнулись.

– Это что-то небывалое, Роза!

Довольная моим одобрением, она снова вложила игрушку в пакет.

– Ты разбираешься в этих делах, Роберт! Когда-нибудь из тебя получится отличный муж.

– Ну уж прямо! – усомнился я.

Роза обожала своего ребенка. Всего только три месяца назад, когда девочка еще не умела ходить, она держала ее у себя в комнате. Несмотря на ремесло матери, это было вполне возможно – к комнате примыкал небольшой чулан. Если вечером Роза приводила домой кавалера, то, попросив его под каким-нибудь предлогом подождать на лестнице, она торопливо входила в комнату, вталкивала коляску с ребенком в чулан, запирала дверку и лишь затем впускала к себе гостя. Но в декабре малышке слишком уж часто приходилось перекочевывать из теплой комнаты в нетопленый чулан. Вот она и простудилась и нередко заливалась плачем, когда мама принимала клиента. И как это ни было тяжело для Розы, а все-таки пришлось ей расстаться с дочуркой. Она отдала ее в дорогой приют. Там Розу считали добропорядочной вдовой. Иначе ребенка не взяли бы.

Роза поднялась.

– Так, значит, в пятницу ты придешь?

Я кивнул.

– Тебе ведь известно, в чем дело, да?

– Конечно, известно.

Я не имел ни малейшего представления о том, что будет в пятницу. Но расспрашивать не хотелось. К этому я приучил себя еще в тот самый год, когда работал здесь пианистом. Во всяком случае, так все было проще. Так же как обращение на ты ко всем здешним девицам. Иначе было нельзя.

– Прощай, Роберт.

– Прощай, Роза.

Я еще немного посидел за столиком. Но сегодня меня почему-то не разморило, не получилось этакого сонливого покоя. Ведь «Интернациональ» постепенно превратился для меня в некое тихое воскресное пристанище. Я выпил еще одну рюмку рома, погладил кошку и вышел из кафе.

* * *

Весь день я где-то околачивался, не знал толком, чем бы заняться, отовсюду старался поскорее убраться. Вечером пошел в мастерскую и застал там Кестера, хлопотавшего вокруг

«кадиллака». Незадолго до того мы за бесценок купили эту уже видавшую виды машину, сделали ей капитальный ремонт, и теперь Кестер занимался ее доводкой до товарного вида. Мы намеревались загнать «кадиллак» подороже и рассчитывали неплохо заработать. Впрочем, я сомневался в возможности такой спекуляции. В эти трудные времена покупатели стремились приобретать маленькие автомобили, но никак не такие полуавтобусы.

– Нам его не сбагрить, Отто, – сказал я.

Но Отто был полон оптимизма.

– Сбагрить трудно машину среднего класса, – заявил он. – Спросом пользуются самые дешевые и самые дорогие автомобили. Еще не перевелись люди с деньгами. А у иного хоть и нет денег, а ему, видите ли, страсть как хочется сойти за богатого.

– Где Готтфрид? – спросил я.

– Отправился на какое-то политическое собрание…

– Рехнулся он, что ли? Что ему там нужно?

Кестер улыбнулся:

– Этого он и сам не знает. Видимо, из-за весны кровь заиграла – все время хочется чего-то новенького.

– Может, ты и прав, – сказал я. – Давай подсоблю тебе немного.

Не особенно утруждая себя, мы все-таки провозились до сумерек.

– Ну хватит, шабаш! – сказал Кестер.

Мы умылись. Затем, хлопнув по бумажнику, Отто спросил:

– Угадай, что у меня здесь?

– Ну?

– Билеты на сегодняшний матч по боксу. Точнее, два билета. Пойдем вместе?

Я заколебался. Отто с удивлением взглянул на меня.

– Штиллинг против Уокера, – сказал он. – Будет интереснейший бой.

– Возьми с собой Готтфрида, – предложил я, чувствуя, что отказываться просто смешно. Но идти мне определенно не хотелось, хоть я и сам не понимал почему.

– У тебя какие-нибудь планы? – спросил он.

– Нет.

Он посмотрел на меня.

– Пойду-ка я домой, – сказал я. – Надо написать письма. И все такое прочее. Ведь хоть когда-нибудь нужно и для этого найти время.

– Уж не заболел ли ты? – озабоченно спросил он.

– Нет, нисколько. Но, может, и во мне кровь заиграла – ведь на дворе весна.

– Ладно, как хочешь.

Я поплелся домой. Но, очутившись в своей комнате, я, как и прежде, не знал, куда себя девать. Нерешительно я расхаживал вперед и назад. Теперь я уже совсем не понимал, чего это меня, собственно, потянуло сюда. Наконец решил снова навестить Джорджи и вышел в коридор, где сразу же наткнулся на фрау Залевски.

– Вот так раз! – изумилась она. – Вы дома? В такой вечер?

– Мне трудно отрицать это, – ответил я не без раздражения.

Она покачала головой в седых завитушках:

– Как же это вы сейчас не гуляете! Чудеса, да и только!

У Джорджи я пробыл недолго. Через четверть часа вернулся к себе. Подумал, не выпить ли чего. Но нет – не хотелось. Я подсел к окну и принялся глядеть на улицу. Над кладбищем, словно крылья огромной летучей мыши, распластались сумерки. Небо за домом профсоюзов было зеленым, как недозревшее яблоко. Уже зажглись фонари, но окончательно еще не стемнело, и казалось, фонарям зябко. Я порылся среди книг и нашел бумажку с номером телефона.

В конце концов – почему бы не позвонить? Ведь сам же наполовину обещал сделать это. Хотя, конечно, скорее всего девушки нет дома.

Я вышел в переднюю к аппарату, снял трубку и назвал номер. В ожидании ответа я почувствовал, как из черной раковинки заструилось что-то мягкое, теплое, и меня охватило какое-то смутное предощущение неведомо чего. Девушка оказалась дома. И когда в передней фрау Залевски, где со стен на меня глядели кабаньи головы, где пахло жиром, а из кухни доносилось звяканье посуды, будто из потустороннего мира послышался ее низкий, тихий, чуть замедленный, грудной и хрипловатый голос, когда мне почудилось, что она обдумывает и взвешивает каждое слово, мое раздражение и недовольство как рукой сняло.

Я не ограничился расспросами о том, как она вчера доехала, и договорился о встрече послезавтра. Только после этого я повесил трубку, и внезапно меня осенило: не так уж все глупо и бездарно. «С ума сойти!» – подумал я и покачал головой. Потом снова снял трубку и позвонил Кестеру.

– Билеты еще у тебя, Отто?

– Да.

– Ну и прекрасно! Пойдем смотреть бокс.

После матча мы еще побродили по ночному городу. Освещенные улицы были пустынны. Вспыхивали и гасли световые рекламы. В витринах бессмысленно горел свет. В одной из них красовались голые восковые куклы с пестро разрисованными лицами. Выглядели они как-то призрачно и развратно. В другой поблескивали ювелирные изделия. Потом мы прошли мимо универсального магазина, озаренного белыми лучами прожекторов и похожего на собор. За зеркальными стеклами пенились лоснящиеся шелка всех оттенков. У входа в кино на тротуаре примостилось несколько бледных, явно изголодавшихся горожан. И тут же рядом, за стеклом, пышно раскинулась пестрая выкладка продовольственного магазина. Громоздились башни консервных банок, на толстом слое ваты лежали сочные яблоки-кальвиль, на натянутой веревке, словно белье, повисли развешенные в ряд жирные гуси, твердые копченые колбасы перемежались круглыми поджаристыми караваями хлеба, розовато мерцали срезы окороков, окруженных деликатесными печеночными паштетами.

Мы присели на скамью около сквера. Дул свежий ветерок. Над домами дуговой лампой висела луна. Было уже далеко за полночь. Метрах в двадцати от нас рабочие поставили на мостовой палатку. Они ремонтировали трамвайные пути. Шипели сварочные горелки. Снопы искр пролетали над согнувшимися темными фигурами. Сварщики занимались серьезным делом. Рядом с ними дымились котлы с асфальтом, похожие на полевые кухни.

И Отто, и я думали каждый о своем.

– А знаешь, Отто, как-то странно, когда вдруг воскресенье, верно? – сказал я.

Кестер кивнул.

– И даже вроде бы приятно, когда оно остается позади, – задумчиво проговорил я.

Кестер пожал плечами:

– Может быть, мы так привыкли без конца вкалывать, что даже от какой-то капельки свободы нам и то становится не по себе.

Я поднял воротник.

– А разве в нашей нынешней жизни что-нибудь не так? Скажи, Отто.

Он поглядел на меня и усмехнулся:

– Раньше многое у нас было не так, Робби.

– Это правда, – согласился я. – И все-таки…

Слепящий зеленоватый свет автогена метнулся по асфальту.

Освещенная изнутри палатка рабочих казалась каким-то теплым, уютным гнездышком.

– Как по-твоему, ко вторнику «кадиллак» будет готов? – спросил я.

– Возможно, что и будет, – ответил Кестер. – А почему ты спрашиваешь?

– Просто так…

Мы встали и пошли домой.

– Что-то сегодня я сам не свой, Отто, – сказал я.

– Не беда, с каждым бывает, – ответил Кестер. – Приятных тебе сновидений, Робби.

– И тебе, Отто.

Придя домой, я не сразу лег в постель. Моя берлога вдруг окончательно разонравилась мне. Уродливая люстра, чересчур яркий свет, потертая обивка кресел, невыразимо унылый линолеум, кровать с висящей над ней картиной «Битва под Ватерлоо»… Разве сюда можно привести приличного человека? Нет, конечно! А уж женщину тем более. Разве что проститутку из «Интернационаля».

III

Во вторник утром мы сидели во дворе нашей мастерской и завтракали. «Кадиллак» был готов. Ленц держал в руке лист бумаги и, торжествуя, глядел на нас. Он был у нас главным по рекламе и только что зачитал Кестеру и мне текст сочиненного им объявления насчет продажи этой машины. Оно начиналось словами: «Отпуск на южном побережье в роскошном авто» – и было чем-то средним между интимно-лирическим стихотворением и патетическим гимном.

Выслушав Ленца, мы с Кестером на какое-то время онемели, не в силах прийти в себя от такого безудержного шквала буйной и витиеватой фантазии. Ленц считал, что ошеломил нас.

– Тут вам и поэзия, и размах, и шик! Скажете нет? – гордо произнес Ленц. – Именно в век деловитости надо быть романтиком, вот в чем фокус. Противоположности взаимно притягиваются.

– Но не тогда, когда речь идет о деньгах, – возразил я.

– Покупка автомобилей – это тебе не способ капиталовложения, мой мальчик, – отмел мое возражение Готтфрид. – Их покупают, чтобы истратить деньги. И вот тут-то как раз и начинается романтика, по крайней мере для делового человека. А для большинства людей она на этом, пожалуй, и кончается. Как ты считаешь, Отто?

– Видишь ли… – осторожно начал Кестер.

– Да не нужно лишних слов! – прервал я его. – Это объявление для какого-нибудь курорта или для косметического крема, но никак не для продажи автомобиля.

От неожиданности Ленц раскрыл рот.

– Не торопись, Готтфрид, – продолжал я. – Ведь нас ты считаешь пристрастными. Поэтому я предлагаю: давай спросим Юппа. Юпп – это глас народа.

Юпп был нашим единственным служащим – пятнадцатилетний подросток, что-то вроде подмастерья. Он обслуживал бензоколонку, заботился о завтраке и убирал мастерскую по вечерам. Он был маленького росточка, усеян веснушками и обладал такими оттопыренными ушами, каких я не видел больше ни у кого. Кестер шутил, что если, мол, Юпп выпадет из самолета, то ничего с ним не случится: на таких ушах он плавно спланирует на землю.

Мы позвали его, и Ленц прочитал ему объявление.

– Ты заинтересовался бы таким автомобилем, Юпп? – спросил Кестер.

– Автомобилем? – переспросил Юпп.

Я рассмеялся.

– Ну конечно, автомобилем, – буркнул Ленц. – Или, по-твоему, тут говорится о саранче?

– А какой это автомобиль? Есть ли у него ускоряющая передача, распредвал с верхним управлением эксцентриками, гидравлические тормоза? – спокойно осведомился Юпп.

– Дурья твоя башка, да это же наш «кадиллак»! – прошипел Ленц.

– Не может этого быть! – возразил Юпп, ухмыляясь от уха до уха.

– Слыхал, Готтфрид? – сказал Кестер. – Вот это и есть романтика сегодняшнего дня.

– Топай к своей колонке, Юпп, проклятый сын двадцатого века!

Раздосадованный Ленц направился в мастерскую, решив внести в свое объявление чуть побольше технических данных, но обязательно сохранить его поэтический пафос.

Несколько минут спустя к нам совершенно неожиданно нагрянул старший инспектор Барзиг. Мы его встретили как самого почетного гостя. То был инженер-эксперт общества по страхованию автомобилей «Феникс», важная персона, от которой зависело получение заказов на ремонт. Он был знающим и дотошным автомобилистом, требовал от нас безукоризненной работы. Но был он еще и специалистом по бабочкам, и, играя на этой его страсти, мы могли вить из него веревки. Однажды мы пополнили его и без того богатую коллекцию «мертвой головой» – крупной ночной бабочкой, залетевшей на огонек в нашу мастерскую. С торжествен-

ной миной, побледнев от неподдельного волнения, Барзиг принял от нас этот дар – чрезвычайно редкий экземпляр, о котором он уже давно мечтал. Этот эпизод запомнился ему, и авторемонтные работы так и сыпались на нас. Со своей стороны, мы старались ловить для него любую моль, попадавшуюся нам на глаза.

– Не угодно ли рюмку вермута, господин Барзиг? – спросил Ленц, опять овладевший собой.

– До вечера ни капли спиртного, – ответил Барзиг. – Мой железный принцип!

– От принципов необходимо иногда отступать, иначе они не доставляют радости, – заявил Готтфрид и разлил вермут по рюмкам. – Предлагаю за процветание «перламутровок», «бражников» и «павлиноглазок»!

– Ну, знаете ли, у вас такой тонкий подход, что попробуй-ка откажись, – сказал Барзиг после недолгих колебаний. – Но уж коли на то пошло, то заодно выпьем еще и за «бычий глаз». – Он застенчиво улыбнулся, точно сболтнул нечто двусмысленное о дамах. – Дело в том, что я обнаружил новую разновидность – со щетинистыми усиками.

– Вот это да! – воскликнул Ленц. – Снимаю шляпу и низко кланяюсь вам! Выходит, вы первооткрыватель и ваше имя будет вписано в анналы истории естественных наук.

Мы выпили еще по одной за щетинистые усики. Барзиг вытер собственные усы.

– Я к вам с приятной новостью: можете забрать «форд». Дирекция решила поручить ремонт вам.

– Прекрасно! – сказал Кестер. – Это нам вполне подойдет. А как насчет предложенной нами сметы?

– Ее утвердили.

– Неужто не урезали?

Барзиг хитро прищурил глаз.

– Сперва эти господа сопротивлялись, но в конце концов…

– Еще раз выпьем до дна за успехи страховой компании «Феникс», – заявил Ленц и снова налил всем.

Барзиг встал и откланялся. Уходя, он сказал:

– А женщина, находившаяся в «форде» во время аварии, несколько дней назад все-таки скончалась, хотя у нее были только резаные раны. Видно, из-за слишком большой кровопотери.

– А сколько ей было лет? – спросил Кестер.

– Тридцать четыре, – ответил Барзиг. – Беременность на четвертом месяце. Покойная была застрахована на двадцать тысяч марок.

* * *

Мы сразу поехали за машиной. Она принадлежала одному булочнику. Поздно вечером в полупьяном виде он наехал на кирпичную стену. Его жена получила ранения, он же нисколько не пострадал.

Когда мы готовили машину к буксировке, он пришел в гараж. С минуту молча глядел на нас, поникший, с изогнутой спиной, короткой шеей, слегка подавшись вперед. Как у всех пекарей, у него был нездоровый, серовато-белый цвет лица, и в полумраке он вдруг показался мне каким-то большим и печальным мучным червем. Медленно он подошел к нам.

– Когда машина будет готова? – спросил он.

– Недели через три, – ответил Кестер.

Пекарь показал на складной верх автомобиля:

– Это тоже входит в оплату?

– О чем вы говорите? – удивился Кестер. – Ведь верх совершенно цел.

Пекарь раздраженно передернулся:

– Сам вижу. Но разве из общей суммы нельзя выкроить деньги на новый верх? Вы получили довольно крупный заказ, и я надеюсь – мы поймем друг друга.

– Нет, не поймем, – сказал Кестер.

Он отлично понимал булочника. Этот тип желал бесплатно заполучить новый верх, на который страховка вообще не распространялась. Во что бы то ни стало он хотел контрабандой протащить его стоимость в смету. Мы начали было спорить с ним. Тогда он пригрозил аннулировать заказ и предложить составление сметы более сговорчивой мастерской. В конце концов Кестер сдался. Будь у нас побольше работы, он бы ни за что не пошел на попятный.

– Чего же сразу не согласился! – сказал булочник и криво усмехнулся: – В ближайшие дни зайду выбрать ткань. Хотелось бы бежевого цвета. Люблю нежные оттенки…

Мы двинулись. По дороге Ленц показал нам на сиденьях «форда» крупные черные пятна.

– Кровь его умершей жены. А он выклянчил себе новый верх. Бежевый, видите ли! Нежные оттенки! Вот уж действительно мертвая хватка. Он еще, чего доброго, выжмет страховую сумму сразу за двух покойников: ведь жена была беременна.

Кестер пожал плечами:

– Что ж, он, видимо, считает, что жена женой, а деньги деньгами.

– Очень может быть, – сказал Ленц. – Говорят, есть люди, для которых страховка – это как бы утешение в горе. А наш убыток составляет ровно пятьдесят марок.

* * *

Во второй половине дня я под каким-то предлогом отправился домой. Мое свидание с Патрицией Хольман было назначено на пять часов, но в мастерской я об этом ничего не сказал. И не потому, что хотел что-то утаить. Просто все это вдруг показалось мне самому довольно неправдоподобным.

Она попросила меня прийти в какое-то неизвестное мне кафе. От кого-то я слышал, что оно небольшое, но элегантное и уютное. Не ожидая ничего плохого, я поехал туда. Но, едва переступив порог, я испуганно остановился. Помещение было переполнено на редкость словоохотливыми женщинами. Я попал в типичную дамскую кондитерскую.

С трудом мне удалось захватить только что освободившийся столик. Испытывая чувство неловкости, я осмотрелся. Из мужчин, кроме меня, здесь были еще только двое, но они мне не понравились.

– Кофе, чай, шоколад? – осведомился кельнер и салфеткой смахнул мне на костюм разбросанные по столешнице крошки от пирожных.

– Двойной коньяк, – ответил я.

Он принес его. А заодно приволок группу любительниц кофе, искавших, где бы им сесть. Их возглавляла атлетического телосложения дама уже весьма зрелого возраста. На ней была шляпка с траурным крепом.

– Вот, пожалуйста, четыре места, – проговорил кельнер и указал на мой столик.

– Простите! – ответил я. – Столик не свободен. Я здесь ожидаю кое-кого.

– Не полагается, сударь! – сказал кельнер. – В эти часы у нас нельзя резервировать места.

Я посмотрел на него. Затем перевел взгляд на корпулентную даму, стоявшую теперь вплотную у столика, крепко ухватившись за спинку стула. Приглядевшись к ее лицу, я решил не сопротивляться. Дама была полна такой решимости завоевать столик, что даже артиллерийский залп не поколебал бы ее.

– Тогда не могли бы вы по крайней мере принести мне еще один коньяк? – с досадой обратился я к кельнеру.

– Слушаюсь! Опять двойной?

– Да.

– Пожалуйста! – Он поклонился мне. – Ведь столик-то на шесть персон, сударь! – как бы извиняясь, добавил он.

– Ладно, пусть! Только поскорее принесите мне коньяк.

Дама, поразившая меня своими могучими телесами, видимо, состояла членом какого-нибудь клуба трезвенниц. Она уставилась на мою рюмку с таким отвращением, словно это была протухшая рыба. Чтобы позлить ее, я заказал еще рюмку и, в свою очередь, уставился на ее крупнокалиберные формы. Но внезапно все происходящее представилось мне в каком-то совершенно дурацком свете. Чего ради я приплелся сюда? Чего хотел от девушки, которую ожидал? Я даже сомневался, узнаю ли ее среди всей этой кутерьмы и гула. С недобрым чувством к самому себе я единым духом выпил рюмку.

– Салют! – сказал кто-то за моей спиной.

Я вскочил на ноги. Она стояла передо мной и улыбалась.

– А вы, я вижу, не теряете времени даром!

Я поставил рюмку, которую все еще держал в руке, на столик. Я растерялся. Девушка выглядела совсем иной, чем запомнилась мне. Среди этого множества упитанных баб, поглощающих пирожные, она казалась стройной юной амазонкой, холодной, сияющей, уверенной в себе и неприступной. «Ничего у меня с ней не выйдет», – подумал я и сказал:

– Как же это вы возникли здесь, как привидение?

Я ни на секунду не спускал глаз с дверей.

Она указала направо:

– Там есть другой вход. Но я опоздала. А вы давно уже ждете?

– Не более двух-трех минут. Я тоже пришел только что.

Компания за моим столиком умолкла. Затылком я чувствовал оценивающие взгляды этих четырех солидных матерей семейств.

– Мы останемся здесь? – спросил я.

Девушка посмотрела на столик, огляделась вокруг, и ее губы смешливо искривились.

– Вероятно, все кафе на один лад.

Я покачал головой:

– Лучше, когда они пустые. А в этом чертовом заведении человека охватывает комплекс неполноценности. Приятнее посидеть в каком-нибудь баре.

– В баре? А разве бары бывают открыты днем?

– Я знаю один такой бар, – сказал я. – Правда, там очень тихо. Если это вас устраивает…

– Иногда, пожалуй, устраивает.

Я посмотрел ей в глаза, не сразу поняв, что она имеет в виду. Вообще я не против иронии – если, конечно, она не в мой адрес. Но теперь совесть моя была почему-то нечиста.

– Тогда идемте.

Я окликнул кельнера.

– Три двойных коньяка, – заорал этот жалкий неудачник таким голосом, будто хотел докричаться до посетителя, уже лежавшего в гробу. – Три марки тридцать пфеннигов.

Девушка обернулась ко мне:

– Три коньяка за три минуты! Вот это темп!

– Два были выпиты вчера.

– Нет, каков врун! – прошипела мне вслед пышнотелая дама. Она слишком долго молчала, и наконец ее прорвало.

Я повернулся к столику и поклонился:

– Благословенного вам Рождества, милые дамы!

Затем я быстро пошел.

– Вы что, поссорились с ними? – спросила девушка уже на улице.

– Да ничего особенного. Просто я обычно произвожу неважное впечатление на хорошо обеспеченных домохозяек.

– И я тоже, – ответила она.

Я посмотрел на нее. Какое-то существо из другого мира. Я начисто не мог себе представить, какова она и как живет.

* * *

В баре я почувствовал себя более уверенным. Когда мы вошли, бармен Фред стоял за стойкой и надраивал до блеска конусовидные коньячные рюмки. Он поклонился мне так, будто увидел меня впервые в жизни и словно не он, а кто-то другой всего лишь позавчера с трудом дотащил меня до дому. За плечами этого отлично вышколенного человека был огромный жизненный опыт.

В зале было пусто. Лишь за одним столиком, как почти всегда, сидел Валентин Гаузер. Мы познакомились на фронте – служили в одной роте. Однажды, преодолев полосу заградительного огня, он принес мне на передний край письмо – думал, что оно от моей матери. Он знал, что я очень жду этого письма – мать должна была лечь на операцию. Но он ошибся: это была всего лишь реклама подшлемников из какой-то особой ткани. На обратном пути его ранило в ногу.

Вскоре после войны Валентин получил наследство и начал его методически пропивать. Он утверждал, что каждодневно обязан отмечать свое счастье: ведь вышел живым из мясорубки войны. При этом его ничуть не занимало, что война кончилась несколько лет назад. Он часто повторял, что такое везение сколько ни отмечай – все будет мало. Он был одним из тех, кто запомнил войну в мельчайших подробностях. Мы, его товарищи, о многом давно позабыли, он же помнил каждый день, каждый час.

Я сразу заметил, что он уже порядком хлебнул. Всецело поглощенный собой, он с отсутствующим видом сидел в своем углу.

Я приветственно поднял руку:

– Салют, Валентин!

Он глянул на меня и кивнул:

– Салют, Робби!

Мы уселись за столик в другом углу. Подошел бармен.

– Что желаете пить? – спросил он девушку.

– Рюмочку мартини, – ответила она. – Сухого мартини.

– В этом Фред большой специалист, – заявил я.

Фред не мог удержаться от улыбки.

– А мне, пожалуйста, как всегда, – сказал я.

В баре царил полумрак и было прохладно. Пахло пролитым джином и коньяком – терпкий запах, напоминавший ароматы можжевельника и хлеба. Под потолком висела деревянная модель парусника. Стенка за стойкой было обита листами меди. Приглушенный свет люстры переливался в них красными отблесками, словно медь отражала какой-то подземный огонь. В стенах были укреплены чугунные бра. Но только в двух из них – у столика Валентина и у нашего столика – горели лампочки. На бра были надеты прозрачные желтые абажуры, вырезанные из старых пергаментных географических карт и казавшиеся какими-то светящимися фрагментами нашего мира.

Я был слегка смущен и не знал толком, с чего бы начать разговор. Ведь эту девушку я, в общем, совсем не знал, и чем дольше я смотрел на нее, тем более чужой она мне казалась. Уже бог знает как давно я ни с кем не был вот так вдвоем и просто утратил навык подобного общения. Другое дело контакты с мужчинами – тут у меня было куда больше опыта. Мы с

ней встретились в чересчур шумном кафе, а здесь все вокруг показалось мне слишком уж тихим. И в этой тишине каждое слово приобретало настолько большой вес, что разговаривать непринужденно стало невозможно. Мне уже вроде бы захотелось вернуться в то кафе.

Фред принес рюмки. Мы выпили. Ром был крепок и свеж, с каким-то солнечным привкусом. Он как бы служил мне какой-то опорой. Я выпил рюмку прямо при Фреде и сразу отдал ее.

– Вам здесь нравится? – спросил я.

Девушка кивнула.

– Больше, чем в той кондитерской?

– Вообще-то я терпеть не могу кондитерских, – сказала она.

– Тогда почему же мы встретились именно там? – удивленно спросил я.

– Не знаю. – Она сняла с себя берет. – Просто ничто другое мне не пришло в голову.

– Ну а раз вам здесь нравится, то тем лучше. Мы приходим сюда частенько. По вечерам этот кабачок становится для нас чем-то вроде дома.

Она улыбнулась:

– Это, пожалуй, печально. Или нет?

– Нет, – ответил я. – Сейчас такое время.

Фред принес мне вторую рюмку. Рядом с ней положил зеленую гаванну.

– Это вам от господина Гаузера.

Валентин помахал мне из-за своего столика и поднял свою рюмку.

– Робби, тридцать первое июля семнадцатого года, – произнес он тяжелым голосом.

Я кивнул ему и тоже поднял рюмку.

Гаузеру всегда нужно было пить с кем-то или в память о чем-то. Вечерами мне случалось наблюдать его в крестьянском трактире, где он пил, адресуясь к луне или к кусту сирени. Потом он вспоминал какой-нибудь из дней, проведенных в окопах, где мы порой попадали в особенно тяжелый переплет, и преисполнялся чувством благодарности судьбе за то, что он еще существует и может вот так сидеть за столиком.

– Это мой друг, – сказал я девушке. – Фронтовой товарищ. Единственный из знакомых мне людей, который из великого несчастья создал себе маленькое счастье. Он уже не знает, что делать с собственной жизнью, и поэтому просто радуется тому, что еще живет.

Она задумчиво посмотрела на меня. Косая полоска света освещала ее лоб и губы.

– Все это я очень хорошо понимаю, – сказала она.

Я взглянул на нее.

– Нет, вам этого понимать пока что не следует. Вы еще слишком молоды.

Она улыбнулась легкой, едва заметной улыбкой. Улыбались только глаза. Лицо же ее почти не изменилось, разве что просветлело, засветилось изнутри.

– Слишком молода! – повторила она. – Это только так принято говорить. По-моему, человек никогда не бывает слишком молодым. Напротив, он всегда слишком стар.

С минуту я молчал.

– Тут вам можно бы многое возразить, – сказал я потом и жестом попросил Фреда принести мне еще что-нибудь.

Девушка вела себя уверенно и естественно. Рядом с ней я чувствовал себя прямо-таки бревном. С каким удовольствием я завел бы легкий, игривый разговор, тот самый настоящий разговор, который, как правило, с опозданием приходит на ум, когда ты снова один-одинешенек. Вот Ленц – тот мастерски вел такие разговоры. У меня же они с самого начала получались неловкими и тяжеловесными. Готтфрид не без оснований говорил про меня, что как собеседник я нахожусь примерно на уровне самого скромного почтового служащего.

К счастью, Фред был разумным человеком. Вместо прежних наперстков он принес мне сразу большой и полный бокал. Это избавляло его от лишней беготни, и теперь никто уже не

мог бы заметить, сколько я пью. А пить мне было необходимо – иначе я бы никак не отделался от этой тягостной скованности.

– Не выпить ли вам еще рюмку мартини? – спросил я девушку.

– А вы-то сами что пьете?

– Это ром.

Она внимательно посмотрела на мой бокал.

– Вы ведь и в прошлый раз пили то же самое.

– Да, – сказал я, – это я пью почти всегда.

Она покачала головой:

– Но разве это вкусно? Не представляю себе.

– Вкусно? Об этом я уже давно не задумываюсь, – сказал я.

– Так зачем же вы это пьете?

– Ром, – сказал я, обрадованный, что нашлась тема, на которую я могу поговорить, – ром, видите ли, и вкус – вещи, почти не связанные между собой. Это уже не просто напиток, а, так сказать, друг. Друг, с которым все становится легче. Друг, изменяющий мир. Поэтому, собственно, и пьют… – Я отодвинул бокал в сторону. – Так заказать вам все-таки еще один мартини?

– Лучше ром, – сказала она. – Хочется и мне хоть разок попробовать его.

– Хорошо, – ответил я. – Только не этот. Для начала он слишком крепок. Принеси нам коктейль «Баккарди», – крикнул я Фреду.

Фред принес заказ, добавив к нему тарелку с соленым миндалем и жареными кофейными зернами.

– Оставь здесь всю бутылку, – сказал я.

* * *

Постепенно все стало доступным, все озарилось ярким блеском. Исчезла неуверенность, слова возникали сами собой, и я уже не так внимательно следил за тем, что говорю. Я продолжал пить и чувствовал, как на меня накатывается огромная и нежная волна, как она подхватывает меня, как этот пустой сумеречный час наполняется образами, как над равнодушными и серыми пространствами бытия призрачной и безмолвной вереницей опять воспарили и потянулись вдаль мечты. Стены бара раздвинулись, и вдруг бар перестал существовать, а вместо него возник какой-то уголок мира, какое-то пристанище, полутемное укрытие, где притаились мы, непостижимо сведенные воедино, занесенные сюда смутным ветром времени. Съежившись, девушка сидела на своем стуле, чужая и таинственная, будто ее прибило сюда с другой стороны жизни. Я слышал свои слова, но мне казалось, что это уже не я, что говорит кто-то другой, человек, которым я хотел бы быть. Мои слова становились неточными, они смещались по смыслу, врывались в пестрые сферы, ничуть не похожие на те, в которых происходили маленькие события моей жизни. Я понимал, что слова мои – неправда, что они перешли в фантазию и ложь, но это меня не тревожило, ибо правда была бесцветной, она никого не утешала, а истинной жизнью были только чувства и отблески мечты…

Медная обшивка полыхала отраженными огнями. Время от времени Валентин поднимал свою рюмку и бормотал себе под нос какую-то дату. За окнами приглушенно плескалась улица, оглашаемая сигналами клаксонов, похожими на крики хищных птиц. Когда открывалась дверь, улица внезапно становилась шумливой и скандальной, словно крикливая и завистливая старуха.

* * *

Я проводил Патрицию Хольман до ее дома. Уже было темно. Обратно я шел медленным шагом. Вдруг я почувствовал себя одиноким и опустошенным. Сеялся мелкий дождь. Я остановился перед какой-то витриной и лишь теперь почувствовал, что перепил. Хоть я и не качался, но это ощущение было совершенно отчетливым.

Мне стало очень жарко. Я расстегнул пальто и сдвинул шляпу на затылок. Проклятие! Неужто эти капли опять опрокинули меня! Чего я ей только не наболтал! Я даже не решался поточнее разобраться во всем. Да и не помнил я ничего, и это было самым страшным. Теперь, когда я стоял один на холодной улице и мимо с грохотом проносились автобусы, все выглядело совсем по-иному, чем в полумраке бара. Я проклинал себя. Хорошее же впечатление произвел я на эту девушку! Уж она-то, конечно, все заметила. Сама почти ничего не пила. А при прощании так странно посмотрела на меня…

О Господи!.. Я круто повернулся и столкнулся с проходившим мимо толстеньким коротышом.

– Это еще что! – злобно рявкнул я.

– Протри глаза, чучело гороховое! – огрызнулся толстяк.

Я вытаращился на него.

– Людей ты, что ли, не видел? – тявкнул он.

Я словно только этого и ждал.

– Людей-то я видел, – сказал я, – но разгуливающую пивную бочку вижу впервые.

Толстяк не полез в карман за словом. Остановившись и разбухая на моих глазах, он процедил сквозь зубы:

– Знаешь что? Пошел бы ты к себе в зоопарк! Мечтательным кенгуру нечего шляться по улицам!

Я понял, что передо мной весьма квалифицированный мастер перебранки. И все-таки, несмотря на всю мою подавленность, я должен был позаботиться о своей чести.

– Топай, топай, псих несчастный, недоносок семимесячный, – сказал я и благословил его жестом. Но он не внял моим словам.

– Пусть тебе впрыснут бетон в мозги, идиот морщинистый, болван собачий! – продолжал он лаять.

Я обозвал его плоскостопым декадентом; он меня – вылинявшим какаду; я его – безработным мойщиком трупов. Тогда, уже с некоторым уважением, он охарактеризовал меня как бычью голову, пораженную раком, я же его – чтобы окончательно доконать – как ходячее кладбище бифштексов. И вот тут он просиял.

– «Ходячее кладбище бифштексов» – это здорово! – сказал он. – Такого еще не слышал. Включу в свой репертуар! До встречи…

Он вежливо приподнял шляпу, и мы расстались, преисполненные уважения друг к другу.

Эта перепалка несколько освежила меня. Но чувство досады не прошло. Напротив, чем больше я трезвел, тем оно становилось сильнее. Я казался себе каким-то выжатым мокрым полотенцем. Постепенно я начинал злиться уже не только на себя, но и на весь мир, в том числе и на эту девушку. Ведь напился-то я из-за нее. Я поднял воротник пальто. Ладно, пусть себе думает, что хочет. Мне все равно. По крайней мере сразу узнала, с кем имеет дело. Изменить уже ничего нельзя. Может, так оно и к лучшему…

Я вернулся в бар и только теперь напился до зеленых чертиков.

IV

Стало тепло и влажно. Несколько дней кряду шли дожди. А потом небо прояснилось, солнце начало пригревать, и когда в пятницу утром я пришел в мастерскую, то увидел во дворе Матильду Штосс. Она стояла с метлой под мышкой и с лицом впавшего в умиление бегемота.

– Что вы скажете на эту роскошь, господин Локамп! И ведь что ни год – снова и снова этакое чудо!

В изумлении я остановился. Старая слива около бензоколонки расцвела за одну ночь.

Всю зиму она стояла голая и кривая. Мы вешали на нее старые покрышки и насаживали на сучки канистры из-под масла для просушки. Это была просто удобная подставка для всего – от обтирочной ветоши до капотов. Еще несколько дней назад на сливе развевались наши застиранные синие комбинезоны, еще вчера ничего особенного не было заметно, и вдруг, за одну-единственную ночь, дерево, как по волшебству, преобразилось в сплошное розовато-белое мерцающее облако, облако из светлых цветов, словно на наш грязный двор ненароком залетел заблудившийся сонм бабочек…

– А уж запах какой, запах-то!.. – мечтательно произнесла Матильда и блаженно закатила глаза. – Потрясающий запах! Именно так пахнет ваш ром.

Я потянул носом, но никакого запаха рома не услышал. Впрочем, все было ясно.

– Пахнет скорее коньяком для клиентов, – заявил я.

– Видимо, вы простудились, господин Локамп! – энергично возразила она. – Или, может быть, у вас в носу полипы. Теперь полипы почти у всех. Но у старой Штосс нюх, как у гончей, можете не сомневаться. Пахнет именно ромом… выдержанным ромом…

– Хорошо, Матильда…

Я налил ей рюмку рома и затем подошел к бензоколонке. Юпп уже был здесь. Перед ним стояла ржавая консервная банка, в которую он вставил пучок веток в цвету.

– Это еще что? – удивился я.

– Это для дам, – пояснил Юпп. – Если какая-нибудь дама заправляется у нас, я ее премирую такой веточкой. Под это дело я сегодня залил в баки на девяносто литров больше обычного. Так что это дерево стоит золота. Не будь его у нас, надо было бы поставить вместо него бутафорию.

– А ведь ты, парень, настоящий делец.

Он усмехнулся. Лучи солнца просвечивали сквозь его уши, и они походили на рубиновые церковные витражи.

– Меня уже дважды сфотографировали, – доложил он. – На фоне дерева.

– Вон что! Ты еще станешь кинозвездой, – сказал я и направился к смотровой яме; оттуда, из-под «форда», как раз выбирался Ленц.

– Робби, – сказал он, – ты знаешь, о чем я подумал? Надо бы нам позаботиться о девушке этого Биндинга.

Я посмотрел на него:

– Как это понять?

– Точно так, как я сказал. А чего ты на меня уставился?

– Я на тебя не уставился.

– Не только уставился, но даже вылупился. Между прочим, как ее зовут? Пат… А дальше как?

– Не знаю, – ответил я.

Он выпрямился.

– Как то есть не знаешь? Ты ведь записал ее адрес. Сам видел.

– Потерял бумажку.

– Потерял! – Он запустил две пятерни в заросли своих желтых волос. – Значит, вот ради чего я тогда битый час провозился с Биндингом! Потерял!.. Но, может, Отто запомнил адрес.

– Отто его тоже не знает.

Он подозрительно поглядел на меня.

– Жалкий дилетант! Тем хуже для тебя! Неужели ты не понял, какая это чудесная девушка? Господи! – Он взглянул на небо. – В кои-то веки нам попалось что-то стоящее, так эта зануда теряет адрес.

– А мне она не показалась такой уж замечательной.

– А это потому, что ты осел, – ответил Ленц. – Болван, который не понимает ничего, что возвышается над уровнем шлюх из кафе «Интернациональ». Эх ты, пианист! Повторяю: познакомиться с ней – с этой девушкой – просто счастье, особенное, исключительное счастье! Но ты, конечно, ни черта в этом не смыслишь! Ты видел ее глаза? Разумеется, не видел… Все больше в рюмку глядел…

– Да заткнись ты! – прервал я его, потому что этой рюмкой он попал мне прямо в открытую рану.

– А руки, – продолжал он, не обращая на меня внимания, – тонкие, длинные руки, как у мулатки. Уж в этом-то Готтфрид знает толк, можешь мне поверить. Святой Моисей! Вдруг, нежданно-негаданно встречается девушка что надо – красивая, естественная, а главное – умеющая создать определенную атмосферу… – На мгновение он остановился. – А ты-то вообще понимаешь, что это такое – атмосфера? – добавил он.

– Воздух, который накачивают в баллоны, – угрюмо заявил я.

– Ну конечно! – сказал он с выражением жалости и презрения. – Конечно же, воздух! Атмосфера – это ореол, излучение, тепло, таинственность – все, что одушевляет красоту и делает ее живой… Впрочем, с кем это я говорю… Испарения рома – вот твоя атмосфера…

– А теперь перестань, а то как бы я не уронил что-нибудь на твой черепок, – буркнул я.

Но Готтфрид говорил и говорил, и ничего я ему не сделал. Ведь он не знал ничего о том, что произошло, не знал, что каждое его слово задевает меня за живое. Особенно насчет выпивки. Я уже как-то преодолел эти мысли и начал утешаться. А Ленц взворошил во мне все это заново. Он без умолку продолжал расхваливать эту девушку, и вскоре мне стало казаться, будто я и впрямь безвозвратно потерял что-то редкостно прекрасное.

* * *

Около шести вечера, все еще в расстроенных чувствах, я пошел в кафе «Интернациональ» – мое давнишнее убежище. Ленц лишний раз дал мне это почувствовать. В зале, против моих ожиданий, царило большое оживление. На стойке пестрели блюда с тортами и кексами, а плоскостопый Алоис проковылял мимо меня с большим подносом, уставленным кофейной посудой, и скрылся в заднем коридоре. Я остановился. Почему сегодня кофе подается не в чашках, а в кофейниках? Вероятно, какое-то общество или союз затеяли грандиозную пирушку, и, следовательно, под столиками уже валяются упившиеся гости.

Но хозяин кафе объяснил мне, в чем дело. Сегодня в большом отдельном кабинете друзья чествуют Лилли – подружку Розы. Я хлопнул себя по лбу. Как же я мог забыть! Ведь и меня пригласили на это торжество – единственного из всех мужчин, как мне многозначительно сказала Роза. Гомосексуалиста Кики, который тоже присутствовал, можно было не считать. Я поспешно вышел из кафе и купил букет цветов, ананас, погремушку и плитку шоколада.

Роза встретила меня с улыбкой великосветской дамы. На ней было черное платье с вырезом, и она царственно восседала во главе стола. Ее золотые зубы сверкали. Я справился о здоровье ее малышки и передал для девочки целлулоидную погремушку и шоколад. Роза просияла от удовольствия.

Ананас и цветы я преподнес Лилли.

– Прими мои самые сердечные поздравления!

– Этот мужчина был и остался кавалером! – сказала Роза. – Робби, сядь, пожалуйста, между Лилли и мной.

Лилли была лучшей подругой Розы. Ей удалось сделать блестящую карьеру – самая недосягаемая мечта любой мелкой проститутки стала для нее явью: она поднялась до уровня «дамы из отеля». «Дама из отеля» не выходит на панель. Она постоянно живет в отеле и здесь же заводит знакомства. Мало кому из проституток удается такое. У них недостаточно богатый гардероб, и им всегда не хватает денег для того, чтобы в ожидании клиентов продержаться какое-то время. Правда, Лилли обитала только в провинциальных гостиницах, но все же с течением лет накопила почти четыре тысячи марок. И вот теперь она решила выйти замуж. Ее будущий супруг содержал небольшую мастерскую по ремонту водопровода и газовых плит. Про Лилли он знал все, но это его ничуть не волновало. За свое будущее он был вполне спокоен: уж если какая-нибудь из этих девиц выходит замуж, то на такую жену можно положиться. Все они хорошо знали свое ремесло и были им сыты по горло. Из них выходили верные спутницы жизни.

Свадьба Лилли была назначена на понедельник. А сегодня Роза давала в ее честь прощальный кофе. Все девушки пришли, чтобы в последний раз посидеть с подругой. После свадьбы она уже не сможет появляться здесь.

Роза налила мне чашку кофе. Алоис принес огромный кекс, нашпигованный изюмом и посыпанный миндалем и зелеными цукатами. Роза отрезала мне внушительный ломоть. Я сразу же понял, как себя повести. С видом знатока я попробовал кусочек кекса и притворился крайне удивленным.

– Позвольте! Но ведь в магазине этого наверняка не купишь.

– Сама испекла, – с ликующей улыбкой объявила Роза.

В кулинарии она знала толк и любила, когда это признавали. А уж по части гуляша и кекса с изюмом никто с ней тягаться не мог. Недаром же она была чешкой.

Я оглядел собравшихся. Они сидели вокруг стола, эти поденщицы райских кущ, безошибочно разбиравшиеся в людях, эти солдаты любви, – красотка Валли, у которой недавно во время ночной поездки в машине стащили горжетку из белого песца; одноногая Лина с деревянным протезом, все еще находившая себе партнеров; бедняжка Фрицци, беззаветно любившая плоскостопого Алоиса, хотя уже давным-давно она могла бы иметь собственную квартиру и друга, который содержал бы ее; краснощекая Марго, неизменно щеголявшая в платье горничной, которое привлекало к ней довольно шикарных ухажеров; Марион, самая молодая из всех – улыбчивая и бездумная; Кики, который не числился в мужчинах, ибо всегда носил женскую одежду и красил губы; глубоко несчастная Мими, которой в ее сорок пять лет да еще вдобавок при вздутых венах на ногах становилось все труднее ходить на панель. Было еще несколько незнакомых мне буфетчиц и «застольных дамочек». И наконец, в роли второго почетного гостя фигурировала маленькая, седенькая и сморщенная, как промороженное яблоко, «мамочка» – доверенное лицо, утешение и опора всех ночных путников: на углу Николаиштрассе, где стоял ее жестяной котел, она содержала забегаловку под открытым небом, торгуя не только горячими колбасками, но также – из-под полы – и сигаретами и интимными резиновыми изделиями; здесь же «мамочка» разменивала деньги, а при необходимости и ссужала ими.

Я отлично знал, что здесь можно и что не дозволено. Ни слова о делах, ни одного неделикатного намека. Надлежало забыть небывалую стойкость Розы, принесшую ей прозвище Железная Кобыла, забыть беседы о любви между Фрицци и скототорговцем Стефаном Григоляйтом; забыть предрассветные танцы Кики вокруг корзинки с солеными крендельками… Короче, разговоры за этим столом сделали бы честь даже самому изысканному дамскому обществу.

– Ты все подготовила, Лилли? – спросил я.

Она кивнула:

– Приданым я обзавелась уже давно.

– Чудесное приданое, – сказала Роза. – В нем есть все – вплоть до кружевных накидок.

– А зачем нужны кружевные накидки? – спросил я.

– Ну, знаешь ли, Робби! – Роза так укоризненно посмотрела на меня, что я тут же вспомнил, зачем они, и сообщил ей об этом. Сплетенные вручную кружевные накидки для предохранения мебели. Как же, как же! Символ мелкобуржуазного уюта, священный символ брака и потерянного рая. Ведь все эти женщины были проститутками отнюдь не от избытка темперамента. Просто им не удались попытки обеспечить себе добропорядочное бюргерское существование. Их заветной мечтой было брачное ложе, но никак не порок. Впрочем, в этом они никогда бы не признались.

Я сел за пианино. Роза уже давно ждала этого. Как и все уличные женщины, она любила музыку. На прощание я сыграл все песни, которые особенно нравились ей и Лилли. Сперва «Молитву девы». Правда, название не слишком уместное для подобного заведения, но это была бравурная пьеса, громыхливая и пустая. Затем последовали «Вечерняя песня пташки», «Закат в Альпах», «Когда умирает любовь», «Миллионы Арлекина» и в заключение «Вернуться в мне на родину». Это была любимая песня Розы. Проститутки – самые суровые, но вместе с тем и самые сентиментальные создания. Все стройно подпевали. Гомосексуалист Кики пел вторым голосом.

Лилли поднялась – ей нужно было заехать за женихом. Роза сердечно расцеловала ее.

– Всего тебе, Лилли, самого лучшего! Не давай себя в обиду!

Лилли ушла, сгибаясь под тяжестью подарков. Бог его знает почему, но лицо ее совершенно преобразилось. Исчезли жесткие черты, присущие каждому, кто сталкивался с человеческой подлостью. Выражение ее лица стало мягче, и в нем вновь проступило что-то девичье.

Мы вышли на тротуар и махали ей вслед. И вдруг ни с того ни с сего Мими разревелась. Когда-то и она была замужем. Ее муж умер на войне от воспаления легких. Погибни он в бою, она получала бы за него небольшую пенсию и была бы избавлена от панели.

Роза похлопала ее по спине.

– Сейчас же брось, Мими! Нечего нюни распускать! Пойдем выпьем еще по чашечке кофе.

Все общество вернулось в полумрак «Интернационаля», словно куры на насест. Хорошего настроения как не бывало.

– Робби, сыграй на прощание еще что-нибудь, – попросила Роза. – Подбодри нас.

– Хорошо, – согласился я. – Давайте-ка долбанем «Марш старых товарищей».

Затем откланялся и я. Роза сунула мне кулек с пирожными. Я подарил их сыну «мамочки», который, как и во всякий вечер, устанавливал на тротуаре котел с колбасками.

* * *

Я задумался – чем бы заняться. Идти в бар мне определенно не хотелось. В кино – тоже нет. Разве что пойти в мастерскую? В нерешительности я посмотрел на часы. Было восемь. Кестер, вероятно, был уже там. В его присутствии Ленц не посмеет опять бесконечно болтать про эту девушку! Я пошел в мастерскую.

В ней горел свет. И не только в помещении – весь двор был ярко освещен. Кроме Кестера, не было никого.

– Что тут происходит, Отто? – спросил я. – Уж не продал ли ты «кадиллак»?

Кестер рассмеялся:

– Нет. Просто Готтфрид устроил небольшую иллюминацию.

Обе фары «кадиллака» были включены. Машина стояла так, что снопы света через окно падали прямо на сливу в цвету. Какая-то удивительно яркая меловая белизна. А черный мрак по обе стороны дерева, казалось, шумит, как море.

– Фантастика! – сказал я. – А где Ленц?

– Пошел купить чего-нибудь поесть.

– Блестящая идея, – сказал я. – Что-то у меня вроде как ветер в голове. Но, возможно, это просто голод.

Кестер кивнул:

– Поесть всегда хорошо. В этом основной закон всех старых вояк. Знаешь, и у меня сегодня, кажется, ветер гулял в голове – я записал «Карла» на гонки.

– Что? – спросил я. – Уж не на шестое ли число?

Он кивнул.

– Ничего себе, Отто! Но там ведь будут самые что ни на есть асы.

Он снова кивнул:

– По классу спортивных машин выступает Браумюллер.

Я принялся засучивать рукава.

– Ну, коли так, Отто, то за дело! Выкупаем нашего любимца в масле.

– Стоп! – крикнул только что вошедший последний романтик. – Сперва сами подзаправимся.

Он развернул свертки с ужином: сыр, хлеб, твердокаменная копченая колбаса и шпроты. Все это мы запивали отлично охлажденным пивом. Ели мы так, словно от зари до зари молотили цепами зерно. Потом взялись за «Карла». Работали два часа, все проверили и отрегулировали, смазали подшипники. Вслед за этим Ленц и я поужинали вторично. Готтфрид включил свет и на «форде». При аварии одна его фара уцелела. И теперь, укрепленная на выгнутом кверху шасси, она испускала косой луч света куда-то в небо.

Вполне удовлетворенный, Ленц повернулся к нам.

– Ну вот! А теперь, Робби, достань-ка бутылки. Давайте отметим «Праздник цветущего дерева»!

Я поставил на стол коньяк, джин и два бокала.

– А ты? – спросил Готтфрид.

– Я пить не буду.

– Что?! Почему не будешь?

– Потому что пропала у меня охота продолжать это чертово пьянство!

Ленц пристально посмотрел на меня.

– Отто, наш ребеночек свихнулся, – сказал он Кестеру.

– Оставь его в покое. Не хочет – не надо, – ответил Кестер.

Ленц налил себе полный бокал.

– Вообще у этого мальчика с некоторых пор пошли завихрения.

– Это еще не самое худшее, – заявил я.

Над крышей фабрики напротив нас взошла большая красная луна. Некоторое время мы сидели молча.

– Скажи мне, Готтфрид, – заговорил я затем, – ведь ты специалист по части любовных дел, не так ли?

– Специалист? Нет, я классик любви, – скромно ответил Ленц.

– Хорошо. Я хотел бы знать, всегда ли влюбленный человек ведет себя по-идиотски?

– То есть как это по-идиотски?

– Ну, в общем, так, как будто он полупьян. Болтает невесть что, несет всякую чепуху, да еще и врет.

Ленц расхохотался:

– Что ты, детка! Ведь любовь – это же сплошной обман. Чудесный обман со стороны матушки-природы. Взгляни на это сливовое дерево! И оно сейчас обманывает тебя: выглядит куда красивее, чем окажется потом. Было бы просто ужасно, если бы любовь имела хоть какое-то отношение к правде. Слава Богу, что растреклятые моралисты не властны над всем.

Я встал.

– Так, по-твоему, без некоторого жульничества это дело вообще невозможно?

– Да, детонька моя! Вообще невозможно!

– Но ведь тогда можно попасть в глупейшее положение.

Ленц усмехнулся:

– Запомни одну вещь, мальчик: никогда, никогда и еще раз никогда ты не окажешься смешным в глазах женщины, если сделаешь что-то ради нее. Пусть это даже будет самым дурацким фарсом. Делай все, что хочешь, – стой на голове, неси околесицу, хвастай, как павлин, пой под ее окном. Не делай лишь одного – не будь с ней рассудочным.

Я оживился:

– А ты что скажешь, Отто?

Кестер рассмеялся:

– Пожалуй, все это так и есть.

Он встал и поднял капот «Карла». Я достал бутылку рома, еще один бокал и поставил их на стол. Отто включил зажигание, нажал на кнопку стартера, и двигатель зачавкал – утробно и сдержанно. Ленц, положив ноги на подоконник, глядел в окно. Я подсел к нему.

– Тебе когда-нибудь случалось быть пьяным в обществе женщины?

– Часто случалось, – не пошевельнувшись, ответил он.

– Ну и как?

Он искоса посмотрел на меня.

– Ты хочешь знать, как быть, если ты сделал что-то не так? Отвечаю, детка: никогда не проси прощения. Ничего не говори. Посылай цветы. Без писем. Только цветы. Они покрывают все. Даже могилы.

Я посмотрел на него. Он оставался неподвижным. В его блестящих глазах отражался белый свет автомобилей. Двигатель все еще работал. Он тихонько погромыхивал, точно под ним содрогалась земля.

– Вот теперь я могу спокойно выпить чего-нибудь, – сказал я и откупорил бутылку.

Кестер заглушил двигатель. Затем обратился к Ленцу:

– Сегодня луна светит достаточно ярко, чтобы можно было найти стакан. Верно, Готтфрид? А ну-ка выключи свою иллюминацию. Особенно на «форде». Этот косой луч напоминает мне прожекторы времен войны. Когда ночью эти штуки начинали нашаривать мой самолет, мне было совсем не до шуток.

Ленц кивнул:

– А мне он напоминает… Впрочем, не все ли равно…

Он встал и выключил фары.

Луна поднялась высоко над фабричной крышей. Она все больше светлела и теперь казалась желтым лампионом, повисшим меж ветвей сливы. Ветви, колеблемые слабым ветерком, тихо качались.

– Все-таки странно, – сказал Ленц после паузы, – почему принято ставить памятники всевозможным людям?.. А почему бы не поставить памятник луне или дереву в цвету?..

* * *

Я рано вернулся домой. Открыв дверь в коридор, услышал музыку. Играл патефон Эрны Бениг – личной секретарши. По коридору плыл тихий и прозрачный женский голос. Потом

пошла перекличка скрипок под сурдинку с пиччикато на банджо. И опять этот голос, проникновенный, нежный, будто переполненный счастьем. Я вслушался, пытаясь разобрать слова. Тихое пение женщины звучало удивительно трогательно в этом темном коридоре, где я стоял между швейной машиной фрау Бендер и чемоданами супругов Хассе. Я увидел кабанью голову над входом в кухню, где служанка гремела посудой.

«И как же могла я жить без тебя!..» – пел голос в нескольких шагах от меня, там, за дверью.

Я пожал плечами и пошел к себе в комнату.

За стеной снова разгорелась свара. Через несколько минут ко мне постучался и вошел Хассе.

– Я не мешаю вам? – устало спросил он.

– Ничуть, – ответил я. – Хотите что-нибудь выпить?

– Лучше не надо. Только немного посижу у вас.

Он тупо уставился в пол.

– Вам хорошо, – сказал он. – Вы живете один…

– Ну что за ерунда! – возразил я. – Вечно торчать одному тоже не дело… Уж поверьте мне…

Чуть сгорбившись, он сидел в кресле. Его глаза казались стеклянными – в них отражался проникавший в полумрак комнаты свет уличного фонаря. Я смотрел на его узкие, покатые плечи.

– Я представлял себе жизнь совсем по-другому, – проговорил он после долгого молчания.

– Это со всеми так…

Через полчаса он решил пойти мириться с женой. Я дал ему несколько газет и полбутылки ликера «Кюрасо». Ему это приторно-сладкое пойло должно было подойти – в напитках он ничего не смыслил. Тихо, почти неслышно вышел он от меня. Тень от тени, будто и вправду уже угас. Из коридора пестрым шелковым тряпьем ворвались обрывки музыки… скрипки, приглушенные банджо… «И как же могла я жить без тебя!..»

Я запер за ним дверь и уселся у окна. Кладбище было залито голубым сиянием луны. Пестрые контуры световой рекламы взметались до крон деревьев. На темной земле выделялись могильные плиты. Безмолвные, они не внушали страха. Вплотную к ним, сигналя, проезжали автомобили, и свет их фар скользил по выветрившимся надгробным надписям.

Я просидел довольно долго, размышляя о всякой всячине. В частности, о том, как в свое время мы вернулись с фронта, молодые, ни во что не верящие, словно шахтеры, выбравшиеся на поверхность из обвалившейся шахты. Нам хотелось ринуться в поход против лжи, эгоизма, алчности, душевной косности – против всего, что вынудило нас пройти через войну. Мы были суровы и могли верить только близкому товарищу или таким вещам, которые никогда нас не подводили, – небу, табаку, деревьям, хлебу и земле. Но что же из всего этого получилось? Все распадалось, пропитывалось фальшью и забывалось. А если ты не умел забывать, то тебе оставались только бессилие, отчаяние, равнодушие и водка. Ушло в прошлое время великих человеческих и даже чисто мужских мечтаний. Торжествовали дельцы. Продажность. Нищета.

* * *

«Вам хорошо, вы одиноки», – сказал мне Хассе. Все это, конечно, так – одинокий человек не может быть покинут. Но иногда по вечерам эти искусственные построения разлетались в прах, а жизнь превращалась в какую-то всхлипывающую, мечущуюся мелодию, в водоворот дикого томления, желания, тоски и надежды все-таки вырваться из бессмысленного самоодурманивания, из бессмысленных в своей монотонности звуков этой вечной шарманки. Не важно куда, но лишь бы вырваться. О эта жалкая потребность человека в крупице тепла. И разве этим

теплом не могут быть пара рук и склоненное над тобой лицо? Или и это было бы самообманом, покорностью судьбе, бегством? Да и разве вообще существует что-то, кроме одиночества?

Я закрыл окно. Нет, ничего другого нет. Для всего остального у человека слишком мало почвы под ногами.

Однако утром я встал пораньше и, прежде чем пойти в мастерскую, постучал в дверь владельца небольшой цветочной лавки. Там я подобрал букет роз и попросил отправить их без промедлений. Я чувствовал себя довольно странно, когда медленно выводил на карточке адрес и имя: Патриция Хольман.

V

Кестер надел свой самый старый костюм и поехал в финансовое управление. Он хотел добиться снижения наших налогов. В мастерской остались Ленц и я.

– Готтфрид, – сказал я, – ну-ка давай приналяжем на толстый «кадиллак».

Накануне в вечерней газете появилось наше объявление, и, следовательно, уже сегодня мы могли рассчитывать на покупателей, буде таковые вообще окажутся. Так или иначе, надо было подготовить машину.

Сначала мы обработали все лакированные поверхности водой. «Кадиллак» засверкал как никогда и прямо на глазах подорожал на добрую сотню марок. Затем мы залили в мотор самое густое из всех возможных масел. Поршни были уже далеко не первоклассными и слегка постукивали. Вязкое масло компенсировало этот дефект, и мотор работал удивительно спокойно и ровно. Коробку скоростей и задний мост мы тоже заправили густой смазкой, чтобы и они вели себя бесшумно.

Потом решили проверить все на ходу – поблизости была сильно разбитая дорога. Мы прошли по ней на скорости пятьдесят километров. Кузов кое-где побрякивал. Мы снизили давление в баллонах на четверть атмосферы и повторили проверку. Дело пошло лучше. Выпустили еще четверть атмосферы. Все посторонние звуки исчезли.

Мы вернулись в мастерскую, смазали скрипучий шарнир капота, вложили в него резиновую прокладку, залили в радиатор горячую воду, чтобы двигатель завелся с полуоборота, и обрызгали низ машины из керосинового распылителя, чтобы и здесь все блестело. После всего этого Ленц воздел руки к небу:

– Так явись же нам, о благословенный покупатель. Приди, о милый обладатель туго набитого бумажника! Мы ждем не дождемся тебя, как жених невесту.

* * *

Однако невеста не спешила. Поэтому мы вкатили на яму бензиновую тарахтелку булочника и начали демонтировать переднюю ось… Часа полтора-два мы спокойно работали и почти не разговаривали. Вдруг Юпп, стоявший у бензоколонки, стал насвистывать мелодию песенки «Чу! Кого сюда несет?..».

Я вылез из ямы и посмотрел в окно. Какой-то невысокий, коренастый мужчина ходил вокруг «кадиллака». С виду это был вполне солидный буржуа.

– Глянь-ка, Готтфрид, – шепотом сказал я. – Уж не невеста ли это?

– Безусловно! – заявил Ленц, едва взглянув на пришельца. – Но ты посмотри на его лицо. Еще никто с ним слова не сказал, а он уже полон недоверия. Пойди схлестнись с ним. Я остаюсь в резерве. Подключусь, если у тебя ничего не выйдет. И не забывай про хитрости, которым я тебя учил.

– Ладно. – Я вышел во двор.

Мужчина смотрел на меня умными черными глазами.

– Локамп, – представился я.

– Блюменталь.

Обязательно представиться – такова была первая хитрость Готтфрида. Он утверждал, что это сразу же создает более интимную атмосферу. Вторая хитрость сводилась к тому, чтобы начинать разговор предельно сдержанно, по возможности раскусить характер покупателя и в нужный момент нанести удар по его слабому месту.

– Вы пришли насчет «кадиллака», господин Блюменталь? – спросил я.

Блюменталь кивнул.

– А вот он стоит. – Я указал рукой на машину.

– Это я и так вижу, – откликнулся Блюменталь.

Я окинул его быстрым взглядом. «Осторожно! – сказал я себе. – Он и сам хитер».

Мы пересекли двор. Я распахнул дверцу машины и запустил мотор. Я молчал, чтобы не мешать ему подробно осмотреть все. Он, несомненно, начнет что-нибудь критиковать, и тогда я перейду в контратаку.

Но Блюменталь ничего не осматривал. И ничего не критиковал. Он тоже молчал и стоял передо мной как истукан. Мне оставалось только одно – заговорить первому.

Медленно и детально я начал описывать «кадиллак» – так, вероятно, мать говорит о любимом ребенке. При этом я пытался выяснить, смыслит ли этот человек хоть что-нибудь в автомобилях. Если он знаток, то нужно побольше расписывать двигатель и шасси, а если он в технике не разбирается, то следует упирать на удобства езды и всякие финтифлюшки.

Но и теперь он не выдавал себя ничем, предоставляя говорить мне одному. Мне начало казаться, будто я разбухаю, как воздушный шар.

– Зачем вам нужна машина? Для города или для путешествий? – спросил я наконец, надеясь все-таки сдвинуть разговор с мертвой точки.

– Смотря по обстоятельствам.

– Понимаю! Вы намерены водить сами или пользоваться услугами шофера?

– И то и другое.

И то и другое! Он отвечал мне, как попугай. Видимо, он принадлежал к ордену монахов, давших обет молчания.

Чтобы как-то оживить его, я решил заставить его самостоятельно проверить что-нибудь. В этом случае клиенты обычно делались более разговорчивыми. Иначе, подумал я, он вот-вот заснет.

– Прекрасно функционирует откидной скользящий верх. Обслуживать его исключительно легко, особенно если учесть крупные габариты этого кабриолета, – сказал я. – Попробуйте закрыть его. Достаточно усилия одной руки…

Но Блюменталь сказал, что делать это ни к чему. Мол, и так видно. Я с треском открыл и захлопнул дверки, подергал за ручки.

– Ничто не разболтано. Все прочно и надежно. Проверьте сами.

Блюменталь снова отказался от проверки. Он полагал, что иначе и быть не может. Ну и орешек попался мне!

Я продемонстрировал ему работу стеклоподъемников.

– Ручки вы крутите прямо-таки играючи. Стекла фиксируются в любом положении.

Он не пошевельнулся.

– К тому же стекла небьющиеся, – уже впадая в отчаяние, продолжал я. – Это неоценимое преимущество! Вон там, в мастерской, стоит «форд»… – Я приукрасил историю про гибель жены булочника, добавив еще одну жертву – ребенка, хотя тот не успел родиться.

Но прошибить Блюменталя было не легче, чем взломать сейф.

– Небьющееся стекло ставят на все машины, – прервал он меня. – Ничего особенного в этом нет.

– Небьющееся стекло не относится к серийному оборудованию, – возразил я мягко, но решительно. – Разве что лобовое стекло на некоторых моделях. Но никоим образом не боковые стекла.

Я нажал на кнопку в середине руля – оба клаксона взревели. Затем перешел к описанию комфорта, говорил про багажники, сиденья, боковые карманы, панель с приборами. Я даже включил прикуриватель и, пользуясь случаем, предложил Блюменталю сигарету, рассчитывая с ее помощью хоть чуточку умилостивить его. Но он отказался.

– Спасибо, я не курю, – сказал он и посмотрел на меня с таким скучающим видом, что вдруг мне подумалось: может, он вообще не намеревался идти сюда, а зашел по ошибке – заблудился; может, ему нужно было купить что-то совсем другое – машину для обметывания петель или радиоприемник; может, в силу врожденной нерешительности он еще немного потопчется на месте, а потом двинет дальше.

– Давайте, господин Блюменталь, сделаем пробную поездку, – наконец предложил я, чувствуя, что уже порядком выдохся.

– Пробную поездку? – переспросил он, явно не понимая, о чем речь.

– Ну да, пробную поездку. Должны же вы сами убедиться в высоких ходовых качествах этой машины. На улице или на шоссе она устойчива, как доска. Идет как по рельсам. А как приемиста – будто это не тяжелый кабриолет, а пушинка…

– Ах уж мне эти пробные поездки… – сказал он, пренебрежительно махнув рукой. – Пробные поездки ни о чем не говорят. Недостатки автомобиля всегда выявляются только впоследствии.

«Конечно, впоследствии, дьявол ты чугунный! – с досадой подумал я. – Не ожидаешь ли ты, что я тебя ткну носом во все дефекты?»

– Что ж, ладно. Нет так нет, – сказал я, утратив всякую надежду на успех. Мне стало ясно, что он не собирается покупать машину.

Но тут он внезапно повернулся, посмотрел на меня в упор и тихо, резко и очень быстро спросил:

– Сколько стоит эта машина?

– Семь тысяч марок, – ответил я не моргнув глазом, словно выпалил из пулемета. Ни в коем случае он не должен был заметить, что я не уверен в цене. Это я хорошо понимал. Каждая секунда колебания могла бы встать нам в тысячу марок, которую он выторговал бы в свою пользу. – Семь тысяч марок, нетто, – твердо повторил я, а сам подумал: «Предложи мне пять, и машина твоя».

Но Блюменталь ничего не предложил.

– Слишком дорого! – коротко выдохнул он.

– Конечно! – сказал я и решил, что окончательно проиграл.

– Почему вы сказали «конечно»? – спросил Блюменталь, впервые довольно человечным тоном.

– Господин Блюменталь, – ответил я, – встречали ли вы в наше время хоть кого-нибудь, кто реагирует иначе на цену?

Он внимательно посмотрел на меня. Затем на его лице мелькнуло подобие улыбки.

– Вы правы. Но машина действительно слишком дорога.

Я не верил ушам своим. Вот он наконец-то, настоящий тон! Тон заинтересованного человека! Или то был опять какой-нибудь коварный ход?

В это мгновение в воротах появился щегольски одетый господин. Он достал из кармана газету, проверил по ней номер нашего дома и подошел ко мне.

– Здесь продается «кадиллак»?

Я кивнул и, не в силах сказать что-либо, смотрел на желтую бамбуковую трость и замшевые перчатки этого франта.

– Можно посмотреть? – снова спросил он, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Да вот же он, – с трудом выговорил я. – Но прошу вас подождать… Я еще не освободился… Не угодно ли посидеть вон там?

Франт с минуту прислушивался к гудению мотора и состроил сперва критическую, а затем одобрительную гримасу. Потом я проводил его в мастерскую.

– Идиот! – прошипел я ему в лицо и быстро вернулся к Блюменталю.

– Если вы прокатитесь в этой машине, ваше отношение к цене наверняка изменится, – сказал я. – Вы вольны испытывать ее сколько пожелаете. Или, быть может, вам удобнее, чтобы я заехал за вами вечером? Пожалуйста. Тогда и покатаемся.

Но порыв уже угас. Блюменталь вновь стоял передо мной, как гранитный монумент какому-нибудь председателю певческого общества.

– Ну хватит, – сказал он. – Я должен идти. А захочу совершить пробную поездку, то еще успею позвонить вам.

Я понял, что пока сделать ничего нельзя. Этот человек уговорам не поддавался.

– Хорошо, – заявил я, – но не записать ли мне ваш телефон, чтобы известить вас, если появится другой претендент?

Блюменталь как-то странно посмотрел на меня:

– Претендент еще не покупатель.

Он достал кожаный кисет с сигарами и протянул его мне. Выяснилось, что он все-таки курит. Да еще такие дорогие сигары, как «Корона-Корона». Значит, денег у него навалом. Но мне все это уже было безразлично. Я взял сигару.

Он дружелюбно пожал мне руку и ушел. Я глядел ему вслед и тихо, но выразительно ругал его. Затем вернулся в мастерскую.

– Ну как? – приветствовал меня сидевший там франт – Готтфрид Ленц. – Здорово это я, правда? Вижу, мучаешься – вот и решил немного помочь тебе. Счастье, что перед поездкой насчет налогов Отто переоделся здесь. Смотрю – на плечиках висит его выходной костюм. Я в момент переоделся, пулей вылетел в окно, а обратно вернулся как серьезный покупатель! Здорово, верно?

– Не здорово, а по-идиотски, – ответил я. – Этот тип хитрее нас с тобой, вместе взятых! Посмотри на сигару! Полторы марки за штуку! Ты спугнул миллиардера.

Готтфрид взял у меня сигару, обнюхал ее и закурил.

– Я спугнул жулика. Миллиардеры таких сигар не курят. А курят они те, что продают вроссыпь по десять пфеннигов.

– Чушь болтаешь, – ответил я. – Жулик не назвал бы себя Блюменталем. Жулик представился бы как граф фон Блюменау или что-нибудь в этом роде.

– Этот человек вернется, – со свойственным ему оптимизмом заметил Ленц и выпустил дым моей сигары мне же в лицо.

– Этот не вернется, – убежденно сказал я. – Но скажи, где ты раздобыл бамбуковую дубинку и эти перчатки?

– Одолжил. Напротив, в магазине «Бенн и компания». Я там знаком с продавщицей. Трость, может быть, даже оставлю себе насовсем. Она мне нравится.

Довольный собой, он стал быстро вертеть в воздухе эту толстую палку.

– Готтфрид, – сказал я, – в тебе явно пропадает талант. Пошел бы ты в варьете, на эстраду, – вот где твое место!

* * *

– Вам звонили, – сказала мне Фрида, косоглазая служанка фрау Залевски, когда в полдень я ненадолго забежал домой.

Я обернулся:

– Когда звонили?

– С полчаса назад. Какая-то дама.

– А что она сказала?

– Что вечером позвонит снова. Но я ей сразу объяснила, что большого смысла в этом нет. Что по вечерам вы никогда не бываете дома.

Я уставился на нее.

– Что?! Вот прямо так и сказали? Господи, хоть бы кто-нибудь научил вас разговаривать по телефону.

– Я и так умею разговаривать по телефону, – флегматично проговорила Фрида. – А по вечерам вы действительно почти никогда не бываете дома.

– Но ведь вас это ничуть не касается, – раскипятился я. – В следующий раз вы еще, чего доброго, расскажете, какие у меня носки – дырявые или целые.

– И расскажу! – огрызнулась Фрида, злобно пялясь на меня красными воспаленными глазами. Мы с ней издавна враждовали.

Охотнее всего я сунул бы ее башкой в кастрюлю с супом, но совладал с собой, нашарил в кармане марку, ткнул ее Фриде в руку и уже примирительно спросил:

– А эта дама не назвала себя?

– Не назвала, – ответила Фрида.

– А какой у нее был голос? Чуть глуховатый и низкий, да? Вообще такой, как будто она простудилась и охрипла, да?

– Не припомню, – заявила Фрида с такой флегмой, словно и не получила от меня только что целую марку.

– Очень красивенькое у вас колечко на пальце, прямо очаровательное, – сказал я. – А теперь подумайте повнимательнее, может, все-таки припомните.

– Не припомню, – ответила Фрида, и лицо ее так и светилось злорадством.

– Тогда возьми и повесься, чертова кукла! – процедил я сквозь зубы и пошел, не оглядываясь.

* * *

Ровно в шесть вечера я пришел домой. Открыв дверь, я увидел непривычную картину. В коридоре стояла фрау Бендер, медсестра по уходу за младенцами, в окружении всех дам нашего пансиона.

– Подойдите к нам, – сказала мне фрау Залевски.

Причиной сбора был сплошь украшенный бантами ребеночек в возрасте примерно полугода. Фрау Бендер привезла его в детской коляске. Это было вполне нормальное дитя; но женщины склонились над ним с выражением такого безумного восторга, будто перед ними оказался первый младенец, народившийся на свет Божий. Они издавали звуки, напоминающие кудахтанье, прищелкивали пальцами перед глазами этого крохотного создания, вытягивали губы трубочкой. Даже Эрна Бениг в своем кимоно с драконами и та вовлеклась в эту оргию платонического материнства.

– Ну разве он не прелесть? – спросила меня фрау Залевски; ее лицо расплылось от умиления.

– Правильно ответить на ваш вопрос можно будет только лет через двадцать – тридцать, – сказал я и покосился на телефон. Только бы мне не позвонили теперь, когда все тут собрались.

– Нет, вы как следует вглядитесь в него, – требовательно обратилась ко мне фрау Хассе.

Я вгляделся. Младенец как младенец. Ничего особенного я в нем обнаружить не мог. Разве что страшно маленькие ручонки. Было странно подумать, что когда-то и я был таким крохотным.

– Бедненький, – сказал я, – ведь совсем не представляет себе, что его ждет. Хотел бы я знать, к какой войне он поспеет.

– Как злобно! – воскликнула фрау Залевски. – Неужели вы настолько бесчувственный человек?

– Напротив, – возразил я, – чувств у меня хоть отбавляй, иначе эта мысль просто не пришла бы мне в голову.

С этим я ретировался к себе в комнату.

Через десять минут раздался телефонный звонок. Услышав свое имя, я вышел в коридор. Конечно, все общество еще было там! Дамы и не подумали разойтись, когда я приложил трубку к уху и услышал голос Патриции Хольман, благодарившей меня за цветы. И вдруг младенец, сытый по горло этим сюсюканьем и кривляньем и, видимо, самый разумный из всех, огласил коридор душераздирающим ревом.

– Извините, – с отчаянием проговорил я в телефон, – тут разбушевался один младенец, но он не мой.

Дамы шипели, словно клубок гигантских змей, – так они пытались утихомирить разоравшегося сосунка. Только сейчас я заметил, что младенец и в самом деле особенный: его легкие, вероятно, простирались до бедер – иначе нельзя было объяснить просто-таки оглушительную громкость его голоса. Я оказался в трудном положении: с бешенством глядел на моих соседок, охваченных неодолимым комплексом материнства, и одновременно пытался произносить в трубку приветливые слова. От пробора до кончика носа я был сама гроза, а от носа до подбородка – мирным пейзажем под весенним солнышком. Я так и не понял, каким образом, несмотря ни на что, я ухитрился назначить ей свидание на следующий вечер.

– Вам бы следовало поставить здесь звуконепроницаемую телефонную будку, – сказал я фрау Залевски.

– А зачем? Разве у вас так много секретов? – не растерявшись, парировала она.

Я промолчал и убрался восвояси. Не следует затевать ссоры с женщиной, в которой пробудились материнские чувства. На ее стороне вся мораль мира.

* * *

Мы договорились встретиться вечером у Готтфрида. Закусив в небольшом ресторане, я отправился к нему. По пути зашел в один из самых дорогих магазинов мужских мод и купил себе роскошный галстук. Мне казалось странным, что все прошло так гладко, и я дал себе слово быть на следующий день не менее серьезным, чем, скажем, генеральный директор погребальной конторы.

Жилище Готтфрида мы считали своего рода достопримечательностью. Оно было сплошь увешано сувенирами, собранными им во время скитаний по Южной Америке. Пестрые циновки на стенах, несколько масок, засушенный человеческий череп, причудливые глиняные горшки, копья и – самое главное – великолепная коллекция фотографий, занимавшая целую стену. Со снимков на вас смотрели юные индианки и креолки – красивые, смуглые и гибкие девушки, непостижимо очаровательные и непринужденные.

Кроме Ленца и Кестера, здесь были Браумюллер и Грау. Тео Браумюллер, человек с загорелой, медноцветной плешью, примостившись на спинке дивана, восторженно разглядывал фотографическую коллекцию Готтфрида. Гонщик одной автомобильной фирмы, он уже давно дружил с Кестером. Шестого числа ему предстояло участвовать в гонке, на которую Отто записал «Карла».

Грузный, расплывшийся и довольно сильно подвыпивший Фердинанд Грау сидел за столом. Он сгреб меня своей здоровенной лапой и прижал к себе.

– Робби, – пробасил он, – ты-то зачем здесь, среди нас – потерянных людей? Нечего тебе тут делать. Уходи отсюда! Спасайся! Ты еще не погиб!

Я посмотрел на Ленца. Он подмигнул мне.

– Фердинанд здорово наклюкался. Уже второй день он пропивает чью-то дорогую покойницу. Продал ее портрет и сразу получил гонорар.

Фердинанд Грау был художником. Он давно околел бы с голоду, если бы не его особая специализация: по заказам благочестивых родственников он писал с фотографий умерших замечательные по сходству портреты. Этим он жил, и совсем неплохо. Но его отличные пейзажи не покупал никто. Может, поэтому в словах Фердинанда всегда слышался оттенок пессимизма.

– На сей раз, Робби, это был владелец трактира, – сказал он. – Трактирщик, который получил наследство от тетки, торговавшей оливковым маслом и уксусом. – Его передернуло. – Просто ужасно!

– Послушай, Фердинанд, – вмешался Ленц, – зачем такие сильные выражения? Разве тебя не кормит самое прекрасное из человеческих качеств – благочестие?

– Ерунда! – возразил Грау. – Кормлюсь я за счет того, что у людей иногда пробуждается сознание собственной вины. А благочестие – это как раз и есть сознание своей вины. Человеку хочется оправдаться перед самим собой за то, что он причинил или пожелал тому или другому дорогому покойнику. – Он медленно провел ладонью по разгоряченному лицу. – Ты и не подозреваешь, сколько раз мой трактирщик желал своей тетушке сыграть в ящик. Зато теперь он заказывает ее портрет в самых изысканных тонах и вешает этот портрет над диваном. Так она ему больше нравится. Благочестие! Обычно человек вспоминает о своих добрых свойствах, когда уже слишком поздно. Но он все равно растроган – вот, мол, каким благородным мог бы я быть. Он умилен, кажется себе добродетельным. Добродетель, доброта, благородство… – Он махнул своей огромной ручищей. – Пусть все это будет у других. Тогда их легче обвести вокруг пальца.

Ленц усмехнулся:

– Ты расшатываешь устои человеческого общества, Фердинанд!

– Стяжательство, страх и продажность – вот устои человеческого общества, – ответил Грау. – Человек зол, но он любит добро… когда его творят другие… – Он протянул Ленцу свой стакан. – Вот, а теперь налей мне и перестань болтать. Дай и другим вставить словечко.

Я перелез через диван к Кестеру. Меня внезапно осенило.

– Отто, сделай мне одолжение. Завтра вечером мне понадобится «кадиллак».

Браумюллер оторвался от фотографии почти совсем обнаженной креольской танцовщицы, которую уже давно и усердно сверлил взглядом.

– Ты что – научился поворачивать направо и налево? До сих пор мне казалось, что ты можешь ехать только прямо, да и то если кто-то ведет машину вместо тебя.

– Ты, Тео, помалкивай, – возразил я. – На гонках шестого числа мы сделаем из тебя котлету.

От хохота Браумюллер начал кудахтать.

– Так как же, Отто? – взволнованно спросил я.

– Машина не застрахована, Робби, – сказал Кестер.

– Я буду ползти как улитка и сигналить, как междугородный автобус. Проеду всего лишь несколько километров по городу.

Полуприкрыв глаза, Отто улыбнулся:

– Ладно, Робби, изволь.

– Скажи, а машина тебе понадобилась к новому галстуку, не так ли? – спросил подошедший к нам Ленц.

– Заткнись, – сказал я и отодвинул его.

Он не отставал.

– Ну-ка, детка, покажи галстучек! – Он потрогал шелк галстука. – Великолепно. Наш ребеночек в роли жиголо – наемного танцора. Ты, видать, собрался на смотрины.

– Сегодня тебе меня не обидеть. Молчал бы! Тоже мне фокусник-трансформатор!

Фердинанд Грау поднял голову.

– Говоришь, собрался на смотрины? А почему бы и нет! – Он заметно оживился. – Так и сделай, Робби. Это тебе вполне подходит. Для любви нужна известная наивность. Она тебе свойственна. Сохрани ее и впредь. Это поистине дар Божий. А лишишься его – никогда не вернешь.

– Не принимай это слишком близко к сердцу, – ухмыльнулся Ленц. – Родиться дураком не позор. А вот умереть дураком стыдно.

– Ни слова больше, Готтфрид. – Движением своей могучей руки Грау отмел его в сторону. – Не о тебе разговор, несчастный романтик с задворок. О тебе никто не пожалеет.

– Валяй, Фердинанд, выговорись, – сказал Ленц. – Выговориться – значит облегчить свою душу.

– Ты вообще лодырь, – заявил Грау. – Да еще высокопарный.

– Все мы такие, – улыбнулся Ленц. – Все живем в долг и питаемся иллюзиями.

– Вот это точно, – сказал Грау и по очереди оглядел нас из-под своих кустистых бровей. – Питаемся иллюзиями из прошлого, а долги делаем в счет будущего. – Потом он снова обратился ко мне: – Наивность, сказал я, Робби. Только завистливые люди называют ее глупостью. Не огорчайся из-за этого. Наивность – не недостаток, а, напротив, признак одаренности.

Ленц открыл было рот, но Фердинанд продолжал говорить:

– Ты, конечно, понимаешь, о чем речь. О простой душе, еще не изъеденной скепсисом и этакой сверхинтеллектуальностью. Парсифаль был глуп. Будь он поумнее – никогда не стал бы завоевывать чашу святого Грааля. В жизни побеждает только глупец. А умному везде чудятся одни лишь препятствия, и, не успев что-то начать, он уже потерял уверенность в себе. В трудные времена наивность – самое драгоценное из всего, волшебная мантия, скрывающая от тебя беды, в которые суперумник, словно загипнотизированный, то и дело попадает.

Он отпил глоток и посмотрел на меня своими огромными голубыми глазами, вправленными, точно два кусочка неба, в обрюзгшее, морщинистое лицо.

– Никогда, Робби, не стремись знать слишком много! Чем меньше знаешь, тем проще живется. Знание делает человека свободным, но и несчастным. Давай выпьем за наивность, за глупость и все, что к ним относится, – за любовь, за веру в будущее, за мечты о счастье – за божественную глупость, за потерянный рай…

Он сидел, грузный и неуклюжий, внезапно уйдя в себя и в свое опьянение, – одинокий холм неизбывной тоски. Жизнь его была разбита, и он знал – склеить обломки невозможно. Он жил в своей большой мастерской и сожительствовал со своей экономкой. Это была бесхитростная и грубоватая женщина. А Грау, несмотря на мощное телосложение, отличался ранимостью и переменчивыми настроениями. Он все никак не мог отделаться от своей полюбовницы, но для него это, вероятно, стало безразличным. Ему исполнилось сорок два. И хотя я хорошо знал, что он просто пьянствует, всякий раз, когда я видел его в таком состоянии, мне становилось страшно. У нас он бывал нечасто. Пил обычно у себя в мастерской. А от питья в одиночестве люди быстро опускаются.

На его лице мелькнула улыбка. Он сунул мне в руку рюмку:

– Пей, Робби! И спасайся! Помни о том, что я тебе говорил.

– Запомню, Фердинанд.

Ленц завел патефон. У него была куча пластинок с записями негритянских песен. Он прокрутил некоторые из них – про Миссисипи, про сборщиков хлопка и знойные ночи на берегах синих тропических рек.

VI

Патриция Хольман жила в большом желтом доме, отделенном от улицы узкой полосой газона. Подъезд был освещен фонарем. Я остановил «кадиллак». В колеблющемся свете фонаря машина поблескивала черным лаком и походила на могучего черного слона.

Я принарядился: кроме галстука, купил новую шляпу и перчатки, на мне было длинное пальто Ленца – великолепное серое пальто из тонкой шотландской шерсти. Экипированный таким образом, я хотел во что бы то ни стало рассеять впечатление от первой встречи, когда был пьян.

Я дал сигнал. Сразу же, подобно ракете, на всех пяти этажах лестницы вспыхнул свет. Загудел лифт. Он снижался, как светлая бадья, спускающаяся с неба. Патриция Хольман открыла дверь и быстро сбежала по ступенькам. На ней были короткий коричневый меховой жакет и узкая коричневая юбка.

– Алло! – Она протянула мне руку. – Я так рада, что вышла. Весь день сидела дома.

Ее рукопожатие, более крепкое, чем можно было ожидать, понравилось мне. Я терпеть не мог людей с руками вялыми, точно дохлая рыба.

– Почему вы не сказали этого раньше? – спросил я. – Я заехал бы за вами еще днем.

– Разве у вас столько свободного времени?

– Не так уж много, но я бы как-нибудь освободился.

Она глубоко вздохнула:

– Какой чудесный воздух! Пахнет весной.

– Если хотите, мы можем подышать свежим воздухом вволю, – сказал я. – Поедем за город, в лес, – у меня машина. – При этом я небрежно показал на «кадиллак», словно это был какой-нибудь старый «фордик».

– «Кадиллак»? – Она изумленно посмотрела на меня. – Ваш собственный?

– На сегодняшний вечер. А вообще он принадлежит нашей мастерской. Мы его хорошенько подновили и надеемся заработать на нем, как еще никогда в жизни.

Я распахнул дверцу:

– Не поехать ли нам сначала в «Лозу» и поужинать? Как вы думаете?

– Поедем ужинать, но почему именно в «Лозу»?

Я озадаченно посмотрел на нее. Это был единственный элегантный ресторан, который я знал.

– Откровенно говоря, – сказал я, – не знаю ничего лучшего. И потом, мне кажется, что «кадиллак» кое к чему обязывает.

Она рассмеялась:

– В «Лозе» всегда скучная и чопорная публика. Поедем в другое место!

Я стоял в нерешительности. Моя мечта казаться солидным рассеивалась как дым.

– Тогда скажите сами, куда нам ехать, – сказал я. – В других ресторанах, где я иногда бываю, собирается грубоватый народ. Все это, по-моему, не для вас.

– Почему вы так думаете? – Она быстро взглянула на меня. – Давайте попробуем.

– Ладно. – Я решительно изменил всю программу. – Если вы не из пугливых, тогда вот что: едем к Альфонсу.

– Альфонс! Это звучит гораздо приятнее, – ответила она. – А сегодня вечером я вообще ничего не боюсь.

– Альфонс – владелец пивной, – сказал я. – Большой друг Ленца.

Она рассмеялась:

– По-моему, у Ленца всюду друзья.

Я кивнул:

– Он их легко находит. Вы могли это заметить на примере с Биндингом.

– Ей-богу, правда, – ответила она. – Они подружились молниеносно.

Мы поехали.

* * *

Альфонс был грузным, спокойным человеком. Выдающиеся скулы. Маленькие глаза. Закатанные рукава рубашки. Руки как у гориллы. Он сам выполнял функции вышибалы и выставлял из своего заведения всякого, кто был ему не по вкусу, даже членов спортивного союза «Верность родине». Для особенно трудных гостей он держал под стойкой молоток. Пивная была расположена удобно – совсем рядом с больницей, и он экономил таким образом на транспортных расходах.

Волосатой лапой Альфонс провел по светлому еловому столу.

– Пива? – спросил он.

– Водки и чего-нибудь на закуску, – сказал я.

– А даме? – спросил Альфонс.

– И дама желает водки, – сказала Патриция Хольман.

– Крепко, крепко, – заметил Альфонс. – Могу предложить свиные отбивные с кислой капустой.

– Сам заколол свинью? – спросил я.

– А как же!

– Но даме, вероятно, хочется что-нибудь полегче.

– Это вы несерьезно говорите, – возразил Альфонс. – Посмотрели бы сперва мои отбивные.

Он попросил кельнера показать нам порцию.

– Замечательная была свинья, – сказал он. – Медалистка. Два первых приза.

– Ну, тогда, конечно, устоять невозможно! – воскликнула Патриция Хольман. Ее уверенный тон удивил меня – можно было подумать, что она годами посещала этот кабак.

Альфонс подмигнул:

– Значит, две порции?

Она кивнула.

– Хорошо! Пойду и выберу сам.

Он отправился на кухню.

– Вижу, я напрасно опасался, что вам здесь не понравится, – сказал я. – Вы мгновенно покорили Альфонса. Сам пошел выбирать отбивные! Обычно он это делает только для завсегдатаев.

Альфонс вернулся:

– Добавил вам еще свежей колбасы.

– Неплохая идея, – сказал я.

Альфонс доброжелательно посмотрел на нас. Принесли водку. Три рюмки. Одну для Альфонса.

– Что ж, давайте чокнемся, – сказал он. – Пусть наши дети заимеют богатых родителей.

Мы залпом опрокинули рюмки. Патриция тоже выпила водку единым духом.

– Крепко, крепко, – сказал Альфонс и зашаркал к своей стойке.

– Нравится вам водка? – спросил я.

Она поежилась:

– Немного крепка. Но не могла же я оскандалиться перед Альфонсом.

Отбивные были что надо. Я съел две большие порции, и Патриция тоже ела с аппетитом, которого я в ней не подозревал. Мне очень нравилась ее простая и непринужденная манера держаться. Без всякого жеманства она снова чокнулась с Альфонсом и выпила вторую рюмку.

Он незаметно подмигнул мне – дескать, правильная девушка. А Альфонс был знаток. Не то чтобы он разбирался в красоте или культуре человека, но он умел верно определить его сущность.

– Если вам повезет, вы сейчас узнаете главную слабость Альфонса, – сказал я.

– Вот это было бы интересно, – ответила она. – Похоже, что у него нет слабостей.

– Есть! – Я указал на столик возле стойки. – Вот…

– Что? Патефон?

– Нет, не патефон. Его слабость – хоровое пение! Никаких танцев, никакой классической музыки – только хоры: мужские, смешанные. Видите, сколько пластинок? Все сплошные хоры. Смотрите, вот он опять идет к нам.

– Вкусно? – спросил Альфонс.

– Как дома у мамы, – ответил я.

– И даме понравилось?

– В жизни не ела таких отбивных, – смело заявила дама.

Альфонс удовлетворенно кивнул:

– Сыграю вам сейчас новую пластинку. Вот удивитесь!

Он подошел к патефону. Послышалось шипение иглы, и зал огласился звуками могучего мужского хора. Мощные голоса исполняли «Лесное молчание». Это было чертовски громкое молчание.

С первого же такта все умолкли. Альфонс мог стать опасным, если кто-нибудь не выказывал благоговения перед его хорами. Он стоял у стойки, упираясь в нее своими волосатыми руками. Музыка преображала его лицо. Он становился мечтательным – насколько может быть мечтательной горилла. Хоровое пение производило на него неописуемое впечатление. Слушая, он становился кротким, как новорожденная лань. Если в разгар какой-нибудь потасовки вдруг раздавались звуки мужского хора, Альфонс как по мановению волшебной палочки переставал драться, вслушивался и сразу же готов был идти на мировую. Прежде, когда он был более вспыльчив, жена постоянно держала наготове его любимые пластинки. Если дело принимало опасный оборот и он выходил из-за стойки с молотком в руке, супруга быстро ставила мембрану с иглой на пластинку. Услышав пение, Альфонс успокаивался, и рука с молотком опускалась. Теперь в этом уже не было такой надобности – Альфонс постарел, и страсти его поостыли, а жена умерла. Ее портрет, подаренный Фердинандом Грау, который имел здесь за это даровой стол, висел над стойкой.

Пластинка кончилась. Альфонс подошел к нам.

– Чудесно, – сказал я.

– Особенно первый тенор, – добавила Патриция Хольман.

– Правильно, – заметил Альфонс, впервые оживившись, – вы в этом понимаете толк! Первый тенор – высокий класс!

Мы простились с ним.

– Привет Готтфриду, – сказал он. – Пусть как-нибудь покажется.

* * *

Мы стояли на улице. Фонари перед домом бросали беспокойный свет на старое ветвистое дерево, и тени бегали по его верхушке. На ветках уже зазеленел легкий пушок, и сквозь неясный, мерцающий свет дерево казалось необыкновенно высоким и могучим. Крона его терялась где-то в сумерках и, словно простертая гигантская рука, в непомерной тоске тянулась к небу.

Патриция слегка поеживалась.

– Вам холодно? – спросил я.

Подняв плечи, она спрятала руки в рукава мехового жакета.

– Сейчас пройдет. Там было довольно жарко.

– Вы слишком легко одеты, – сказал я. – По вечерам еще холодно.

Она покачала головой:

– Не люблю тяжелую одежду. Хочется, чтобы стало наконец тепло. Не выношу холода. Особенно в городе.

– В «кадиллаке» тепло, – сказал я. – У меня на всякий случай припасен плед.

Я помог ей сесть в машину и укрыл ее колени пледом. Она подтянула его выше.

– Вот замечательно! Вот и чудесно. А холод нагоняет тоску.

– Не только холод. – Я сел за руль. – Покатаемся немного?

Она кивнула:

– Охотно.

– Куда поедем?

– Просто так, поедем медленно по улицам. Все равно куда.

– Хорошо.

Я запустил мотор, и мы медленно и бесцельно поехали по городу. Было время самого оживленного вечернего движения. Мотор работал совсем тихо, и мы почти бесшумно двигались в потоке машин. Казалось, что наш «кадиллак» – корабль, неслышно скользящий по пестрым каналам жизни. Проплывали улицы, ярко освещенные подъезды, огни домов, ряды фонарей, сладостная, мягкая взволнованность вечернего бытия, нежная лихорадка озаренной ночи, и над всем этим, между краями крыш, свинцово-серое большое небо, на которое город отбрасывал свое зарево.

Девушка сидела молча рядом со мной; свет и тени, проникавшие сквозь стекло, скользили по ее лицу. Иногда я посматривал на нее; я снова вспомнил тот вечер, когда впервые увидел ее. Лицо ее стало серьезнее, оно казалось мне более чужим, чем за ужином, но очень красивым; это лицо еще тогда поразило меня и не давало больше покоя. Было в нем что-то от таинственной тишины, которая свойственна природе – деревьям, облакам, животным, – а иногда и женщине.

* * *

Мы ехали по тихим загородным улицам. Ветер усилился, и казалось, что он гонит ночь перед собой. Вокруг большой площади стояли небольшие дома, уснувшие в маленьких садиках. Я остановил машину.

Патриция Хольман потянулась, словно просыпаясь.

– Как хорошо, – сказала она. – Будь у меня машина, я бы каждый вечер совершала на ней медленные прогулки. Все кажется совсем неправдоподобным, когда так бесшумно скользишь по улицам. Все наяву и в то же время – как во сне. Тогда по вечерам никто, пожалуй, и не нужен…

Я достал пачку сигарет.

– А ведь вообще вечером хочется, чтобы кто-нибудь был рядом, правда?

Она кивнула:

– Вечером – да… Когда наступает темнота… Странная это вещь.

Я распечатал пачку:

– Американские сигареты. Они вам нравятся?

– Да, больше других.

Я дал ей огня. Теплое и близкое пламя спички осветило на мгновение ее лицо и мои руки, и мне вдруг пришла в голову безумная мысль, будто мы давно уже принадлежим друг другу.

Я опустил стекло, чтоб вытянуло дым.

– Хотите немного поводить? – спросил я. – Это вам доставит удовольствие.

Она повернулась ко мне:

– Конечно, хочу, только я не умею.

– Совсем не умеете?

– Нет. Меня никогда не учили.

В этом я усмотрел какой-то шанс для себя.

– Биндинг мог бы давным-давно обучить вас, – сказал я.

Она рассмеялась:

– Биндинг слишком влюблен в свою машину. Никого к ней не подпускает.

– Это просто глупо, – заявил я, радуясь случаю уколоть толстяка. – Вы сразу же поедете сами. Давайте попробуем.

Все предостережения Кестера развеялись в прах. Я распахнул дверцу и вылез, чтобы пустить ее за руль. Она всполошилась:

– Но ведь я действительно не умею водить.

– Неправда, – возразил я. – Умеете, но не догадываетесь об этом.

Я показал ей, как переключать скорости и выжимать сцепление.

– Вот, – сказал я, закончив объяснения. – А теперь трогайте!

– Минутку! – Она показала на одинокий автобус, медленно кативший по улице. – Не пропустить ли его?

– Ни в коем случае!

Я быстро включил скорость и отпустил педаль сцепления. Патриция судорожно вцепилась в рулевое колесо, напряженно вглядываясь вперед.

– Боже мой, мы едем слишком быстро!

Я посмотрел на спидометр:

– Прибор показывает ровно двадцать пять километров в час. На самом деле это только двадцать. Неплохой темп для стайера.

– А мне кажется, целых восемьдесят.

Через несколько минут первый страх был преодолен. Мы ехали вниз по широкой прямой улице. «Кадиллак» слегка петлял из стороны в сторону, будто его заправили не бензином, а коньяком. Иногда колеса почти касались тротуара. Но постепенно дело наладилось, и все стало так, как я и ожидал: в машине были инструктор и ученица. Я решил воспользоваться своим преимуществом.

– Внимание, – сказал я. – Вот полицейский!

– Остановиться?

– Уже слишком поздно.

– А что, если я попадусь? Ведь у меня нет водительских прав.

– Тогда нас обоих посадят в тюрьму.

– Боже, какой ужас! – Испугавшись, она пыталась нащупать ногой тормоз.

– Дайте газ! – приказал я. – Газ! Жмите крепче! Надо гордо и быстро промчаться мимо него. – Наглость – лучшее средство в борьбе с законом.

Полицейский не обратил на нас внимания. Девушка облегченно вздохнула.

– До сих пор я не знала, что регулировщики выглядят как огнедышащие драконы, – сказала она, когда мы проехали несколько сот метров.

– Так они выглядят, если наехать на них машиной. – Я медленно подтянул ручной тормоз. – Вот великолепная пустынная улица. Свернем в нее. Здесь можно хорошенько потренироваться. Сначала поучимся трогать с места и останавливаться.

Беря с места на первой скорости, Патриция несколько раз заглушала мотор. Она расстегнула жакет:

– Что-то жарко мне стало! Но я должна научиться!

Внимательная и полная рвения, она следила за всем, что я ей показывал. Потом она сделала несколько поворотов, издавая при этом взволнованные короткие восклицания. Фары встречных машин вызывали в ней дьявольский страх и такую же гордость, когда они оказывались позади. Вскоре в маленьком пространстве, полуосвещенном лампочками приборов на контрольном щитке, возникло чувство товарищества, какое быстро устанавливается в практических делах, и, когда через полчаса я снова сел за руль и повез ее домой, мы чувствовали такую близость, будто рассказали друг другу историю всей своей жизни.

* * *

Недалеко от Николаиштрассе я опять остановил машину. Над нами сверкали красные огни кинорекламы. Асфальт мостовой переливался матовыми отблесками, как выцветшая пурпурная ткань. Около тротуара блестело большое черное пятно – у кого-то пролилось масло.

– Так, – сказал я, – теперь мы имеем полное право опрокинуть по рюмочке. Где бы нам это сделать?

Патриция Хольман задумалась на минутку.

– Давайте поедем опять в этот милый бар с парусными корабликами, – предложила она.

Меня мгновенно охватило сильнейшее беспокойство. Я мог дать голову на отсечение, что там сейчас сидит последний романтик. Я заранее представлял себе его лицо.

– Ах, – сказал я поспешно, – что там особенного? Есть много более приятных мест…

– Не знаю… Мне там очень понравилось.

– Правда? – спросил я изумленно. – Вам понравилось там?

– Да, – ответила она смеясь. – И даже очень…

«Вот так раз! – подумал я. – А я-то ругал себя за это!» Я еще раз попытался отговорить ее:

– Но по-моему, сейчас там битком набито.

– Можно подъехать и посмотреть.

– Да, это можно.

Я обдумывал, как мне быть.

Когда мы приехали, я торопливо вышел из машины:

– Побегу посмотрю. Сейчас же вернусь.

В баре не было ни одного знакомого, кроме Валентина.

– Скажи-ка, Готтфрид уже был здесь?

Валентин кивнул:

– Он ушел с Отто. Полчаса назад.

– Жаль, – сказал я с явным облегчением. – Мне очень хотелось их повидать.

Я пошел обратно к машине.

– Рискнем, – заявил я. – К счастью, тут сегодня не так уж страшно.

Все же из предосторожности я поставил «кадиллак» за углом, в самом темном месте.

Мы не посидели и десяти минут, как у стойки появилась соломенная шевелюра Ленца. «Проклятие, – подумал я, – дождался! Лучше бы это произошло через несколько недель».

Казалось, что Готтфрид намерен тут же уйти. Я уже считал себя спасенным, но вдруг заметил, что Валентин показывает ему на меня. Поделом мне – в наказание за вранье. Лицо Готтфрида, когда он увидел нас, могло бы послужить великолепным образцом мимики для наблюдательного киноактера. Глаза его выпучились, как желтки яичницы-глазуньи, и я боялся, что у него отвалится нижняя челюсть. Жаль, что в баре не было режиссера. Бьюсь об заклад, он немедленно предложил бы Ленцу ангажемент. Его можно было бы, например, использовать в

фильме, где перед матросом, потерпевшим кораблекрушение, внезапно из пучины всплывает морской змей.

Готтфрид быстро овладел собой. Я бросил на него взгляд, умоляя исчезнуть. Он ответил мне подленькой ухмылкой, оправил пиджак и подошел к нам.

Я знал, что мне предстоит, и, не теряя времени, перешел в наступление.

– Ты уже проводил фрейлейн Бомблат домой? – спросил я, чтобы сразу нейтрализовать его.

– Да, – ответил он, не моргнув глазом и не выдав ничем, что до этой секунды ничего не знал о существовании фрейлейн Бомблат. – Она шлет тебе привет и просит, чтобы ты позвонил ей завтра утром пораньше.

Это был неплохой контрудар. Я кивнул:

– Ладно, позвоню. Надеюсь, она все-таки купит машину.

Ленц опять открыл было рот, но я ударил его по ноге и посмотрел так выразительно, что он, усмехнувшись, осекся.

Мы выпили несколько рюмок. Боясь захмелеть и сболтнуть что-нибудь лишнее, я пил только коктейли «Сайдкар» с большими кусками лимона.

Готтфрид был в отличном настроении.

– Только что заходил к тебе, – сказал он. – Думал, пройдемся вместе. Потом зашел в луна-парк. Там устроили великолепную новую карусель и американские горки. Давайте поедем туда! – Он посмотрел на Патрицию.

– Едем немедленно! – воскликнула она. – Люблю карусели больше всего на свете!

– Поедем, – сказал я. Мне хотелось уйти из бара. На свежем воздухе все должно было стать проще.

* * *

Шарманщики – передовые форпосты луна-парка. Меланхолические нежные звуки. На потертых бархатных накидках шарманок можно увидеть попугая или маленькую озябшую обезьянку в красной суконной курточке. Резкие выкрики торговцев. Они продают состав для склеивания фарфора, алмазы для резания стекла, турецкий мед, воздушные шары и ткани для костюмов. Холодный синий свет и острый запах карбидных ламп. Гадалки, астрологи, ларьки с пряниками, качели-лодочки, павильоны с аттракционами. И наконец, оглушительная музыка, пестрота и блеск – освещенные, как дворец, вертящиеся башни карусели.

– Вперед, ребята! – С растрепавшимися на ветру волосами Ленц ринулся к американским горкам – здесь был самый большой оркестр. Из позолоченных ниш, по шесть из каждой, выходили фанфаристы. Размахивая фанфарами, прижатыми к губам, они оглашали воздух пронзительными звуками, поворачивались во все стороны и исчезали. Это было грандиозно.

Мы уселись в большую гондолу с головой лебедя и понеслись вверх и вниз. Мир искрился и скользил, он наклонялся и проваливался в черный туннель, сквозь который мы мчались под барабанный бой, чтобы тут же вынырнуть наверх, где нас встречали звуки фанфар и блеск огней.

– Дальше! – Готтфрид устремился к «летающей карусели» с дирижаблями и самолетами. Мы забрались в цеппелин и сделали три круга.

Слегка задыхаясь, мы снова очутились на земле.

– А теперь на чертово колесо! – заявил Ленц.

Это был большой и гладкий круг, который вращался с нарастающей скоростью. Надо было удержаться на нем. На круг встало человек двадцать. Среди них был Готтфрид. Как сумасшедший, он выделывал немыслимые выкрутасы ногами, и зрители аплодировали ему. Всех остальных уже снесло, а он оставался на кругу вдвоем с какой-то кухаркой. У нее был зад как

у ломовой лошади. Когда круг завертелся совсем быстро, хитрая кухарка уселась поплотнее на самой середине, а Готтфрид продолжал носиться вокруг нее. В конце концов последний романтик выбился из сил; он повалился в объятия кухарки, и оба кубарем слетели с круга. Он вернулся к нам, ведя свою партнершу под руку и называя ее запросто Линой. Лина смущенно улыбалась. Ленц спросил, желает ли она выпить чего-нибудь.

Лина заявила, что пиво хорошо утоляет жажду. Оба скрылись в палатке.

– А мы?.. Куда мы пойдем сейчас? – спросила Патриция Хольман. Ее глаза блестели.

– В лабиринт привидений, – сказал я, указывая на большой тент.

Путь через лабиринт был полон неожиданностей. Едва мы сделали несколько шагов, как под нами зашатался пол, чьи-то руки ощупывали нас в темноте, из-за углов высовывались страшные рожи, завывали привидения; мы смеялись, но вдруг Патриция отпрянула назад, испугавшись черепа, освещенного зеленым светом. На мгновение я обнял ее, почувствовал ее дыхание, шелковистые волосы коснулись моих губ – но через секунду она снова рассмеялась, и я отпустил ее.

Я отпустил ее; но что-то во мне не могло расстаться с ней. Мы давно уже вышли из лабиринта, но я все еще ощущал ее плечо, мягкие волосы, кожу, пахнущую персиком… Я старался не смотреть на нее. Она сразу стала для меня другой.

Ленц уже ждал нас. Он был один.

– Где Лина? – спросил я.

– Накачивается пивом, – ответил он и кивнул головой на палатку в сельском стиле. – С каким-то кузнецом.

– Прими мое соболезнование.

– Все это ерунда. Давай-ка лучше займемся серьезным мужским делом.

Мы направились к павильону, где набрасывали гуттаперчевые кольца на крючки. Здесь были всевозможные выигрыши.

– Так, – сказал Ленц, обращаясь к Патриции, и сдвинул шляпу на затылок. – Сейчас мы вам добудем полное приданое.

Он начал первым и выиграл будильник. Я бросил кольцо вслед за ним и получил в награду плюшевого мишку. Владелец павильона шумливо и торжественно вручил нам оба выигрыша, чтобы привлечь новых клиентов.

– Ты у меня притихнешь, – усмехнулся Готтфрид и тут же заарканил сковородку. Я подцепил второго мишку.

– Ведь вот как везет! – сказал владелец павильона, передавая нам вещи.

Бедняга не знал, что его ждет. Ленц был первым в роте по метанию ручной гранаты, а зимой, когда дел было немного, мы месяцами напролет тренировались в набрасывании шляп на всевозможные крюки. В сравнении с этим гуттаперчевые кольца казались нам детской забавой. Без труда Готтфрид завладел следующим предметом – хрустальной вазой для цветов. Я – полудюжиной патефонных пластинок. Владелец павильона молча подал нам добычу и проверил свои крючки. Ленц прицелился, метнул кольцо и получил кофейный сервиз, второй по стоимости выигрыш. Вокруг нас столпилась куча зрителей. Я поспешно набросил еще три кольца на один крючок. Результат: кающаяся святая Магдалина в золоченой раме.

Лицо владельца павильона вытянулось, словно он был на приеме у зубного врача. Он отказался выдать нам новые кольца. Мы уже решили было прекратить игру, но зрители подняли шум, требуя от хозяина, чтобы он не мешал нам развлекаться. Они хотели быть свидетелями его разорения. Больше всех шумела Лина, внезапно появившаяся со своим кузнецом.

– Бросать мимо разрешается, не правда ли? – закаркала она. – А попадать разве запрещено?

Кузнец одобрительно загудел.

– Ладно, – сказал Ленц, – каждый еще по разу.

Я бросил первым. Умывальный таз с кувшином и мыльницей. Затем изготовился Ленц. Он взял пять колец. Четыре он накинул с необычайной быстротой на один и тот же крюк. Прежде чем бросить пятое, он сделал нарочитую паузу и достал сигарету. Трое мужчин услужливо поднесли ему зажженные спички. Кузнец хлопнул его по плечу. Лина, охваченная крайним волнением, жевала свой носовой платок. Готтфрид прицелился и легким броском накинул последнее кольцо на четыре остальных. Раздался оглушительный рев. Ленцу достался главный выигрыш – детская коляска с розовым одеялом и кружевной накидкой.

Осыпая нас проклятиями, хозяин выкатил коляску. Мы погрузили в нее все свои трофеи и двинулись к следующему павильону. Коляску толкала Лина. Кузнец отпускал по этому поводу такие остроты, что мне с Патрицией пришлось немного отстать. В следующем павильоне набрасывали кольца на бутылки с вином. Если кольцо садилось на горлышко, бутылка была выиграна. Мы взяли шесть бутылок. Ленц посмотрел на этикетки и подарил бутылки кузнецу.

Был еще один павильон такого рода. Но хозяин уже почуял недоброе и, когда мы подошли, объявил нам, что павильон закрыт. Кузнец, заметив бутылки с пивом, начал было скандалить, но мы отказались от своих намерений: у хозяина павильона была только одна рука.

Сопровождаемые целой свитой, мы подошли к «кадиллаку».

– Что же придумать? – спросил Ленц, почесывая голову. – Самое лучшее – привязать коляску сзади и взять на буксир.

– Конечно, – сказал я. – Только тебе придется сесть в нее и править, а то еще опрокинется.

Патриция Хольман запротестовала. Она испугалась, подумав, что Ленц действительно сядет в коляску.

– Хорошо, – заявил Ленц, – тогда давайте рассортируем вещи. Обоих мишек вы должны обязательно взять себе. Патефонные пластинки тоже. Как насчет сковородки?

Девушка покачала головой.

– Тогда она переходит во владение мастерской, – сказал Готтфрид. – Возьми ее, Робби, ты ведь старый специалист по глазуньям. А кофейный сервиз?

Девушка кивнула в сторону Лины. Кухарка покраснела. Готтфрид передал ей сервиз по частям, словно награждая ее призом. Потом он вынул из коляски таз для умывания:

– Керамический! Подарим его господину кузнецу, не правда ли? Он ему пригодится. А заодно и будильник. У кузнецов тяжелый сон.

Я передал Готтфриду цветочную вазу. Он вручил ее Лине. Заикаясь от волнения, она пыталась отказаться. Ее глаза не отрывались от кающейся Магдалины. Она боялась, что если ей отдадут вазу, то картину получит кузнец.

– Очень уж я обожаю искусство, – пролепетала она. Трогательная в своей жадности, она стояла перед нами и покусывала красные пальцы.

– Уважаемая фрейлейн, что вы скажете по этому поводу? – спросил Ленц, величественно оборачиваясь к Патриции Хольман.

Патриция взяла картину и отдала ее Лине.

– Это очень красивая картина, – сказала она.

– Повесь над кроватью и вдохновляйся, – добавил Ленц.

Кухарка схватила картину. Глаза ее увлажнились. От благодарности у нее началась сильная икота.

– А теперь твоя очередь, – задумчиво произнес Ленц, обращаясь к детской коляске.

Глаза Лины снова загорелись жадностью.

Кузнец заметил, что никогда, мол, нельзя знать, какая вещь может понадобиться человеку. При этом он так расхохотался, что уронил бутылку с вином. Но Ленц решил, что с них хватит.

– Погодите-ка, я тут кое-что заметил, – сказал он и исчез. Через несколько минут он пришел за коляской и укатил ее. – Все в порядке, – сказал он, вернувшись без коляски.

Мы сели в «кадиллак».

– Задарили прямо как на Рождество! – сказала Лина, протягивая нам на прощание красную лапу. Она стояла среди своего имущества и сияла от счастья.

Кузнец отозвал нас в сторону.

– Послушайте! – сказал он. – Если вам понадобится кого-нибудь вздуть, мой адрес: Лейбницштрассе, шестнадцать, задний двор, второй этаж, левая дверь. Ежели против вас будет несколько человек, я прихвачу с собой своих ребят.

– Договорились! – ответили мы и поехали.

Миновав луна-парк и свернув за угол, мы увидели нашу коляску и в ней настоящего младенца. Рядом стояла бледная, еще не оправившаяся от смущения женщина.

– Здорово, а? – сказал Готтфрид.

– Отнесите ей и медвежат! – воскликнула Патриция. – Они там будут кстати!

– Разве что одного, – сказал Ленц. – Другой должен остаться у вас.

– Нет, отнесите обоих.

– Хорошо. – Ленц выскочил из машины, сунул женщине плюшевых зверят в руки и, не дав ей опомниться, помчался обратно, словно его преследовали. – Вот, – сказал он, переводя дух, – а теперь мне стало дурно от собственного благородства. Высадите меня у «Интернационаля». Я обязательно должен выпить коньяку.

Я высадил Ленца и отвез Патрицию домой. Все было иначе, чем в прошлый раз. Она стояла в дверях, и по ее лицу то и дело пробегал колеблющийся свет фонаря. Она была великолепна. Мне очень хотелось остаться с ней.

– Спокойной ночи, – сказал я, – спите хорошо.

– Спокойной ночи.

Я глядел ей вслед, пока не погас свет на лестнице. Потом сел в «кадиллак» и поехал. Странное чувство овладело мной. Все было так не похоже на другие вечера, когда вдруг начинаешь сходить с ума по какой-нибудь девушке. Было гораздо больше нежности, хотелось хоть раз почувствовать себя совсем свободным. Унестись… Все равно куда…

Я поехал к Ленцу в «Интернациональ». Там было почти пусто. В одном углу сидела Фрицци со своим другом кельнером Алоисом. Они о чем-то спорили. Готтфрид сидел с Мими и Валли на диванчике около стойки. Он вел себя весьма галантно с ними, даже с бедной старенькой Мими.

Вскоре девицы ушли. Им надо было работать – подоспело самое время. Мими кряхтела и вздыхала, жалуясь на склероз. Я подсел к Готтфриду.

– Говори сразу все, – сказал я.

– Зачем, детка? Ты делаешь все совершенно правильно, – ответил он, к моему изумлению.

Мне стало легче от того, что он так просто отнесся ко всему.

– Мог бы раньше слово вымолвить, – сказал я.

Он махнул рукой:

– Ерунда!

Я заказал рому. Потом я сказал ему:

– Знаешь, я ведь понятия не имею, кто она, и все такое. Не знаю, что у нее с Биндингом. Кстати, тогда он сказал тебе что-нибудь?

Он посмотрел на меня:

– Тебя это разве беспокоит?

– Нет.

– Так я и думал. Между прочим, пальто тебе идет.

Я покраснел.

– Нечего краснеть. Ты абсолютно прав. Хотелось бы и мне уметь так…

Я помолчал немного.

– Готтфрид, но почему же? – спросил я наконец.

Он посмотрел на меня:

– Потому, что все остальное дерьмо, Робби. Потому, что в наше время нет ничего стоящего. Вспомни, что тебе говорил вчера Фердинанд. Не так уж он не прав, этот старый толстяк, малюющий покойников. Вот, а теперь садись за пианино и сыграй несколько старых солдатских песен.

Я сыграл «Три лилии» и «Аргоннский лес». Я вспоминал, где мы распевали эти песни, и мне казалось, что здесь, в этом пустом кафе, они звучат как-то призрачно…

VII

Два дня спустя Кестер, запыхавшись, выскочил из мастерской:

– Робби, звонил твой Блюменталь. В одиннадцать ты должен подъехать к нему на «кадиллаке». Он хочет совершить пробную поездку. Если бы только это дело выгорело!

– А что я вам говорил? – раздался голос Ленца из смотровой ямы, над которой стоял «форд». – Я сказал, что он появится снова. Всегда слушайте Готтфрида!

– Да заткнись ты, ведь ситуация серьезная! – крикнул я ему. – Отто, сколько я могу ему уступить?

– Крайняя уступка – две тысячи. Самая крайняя – две тысячи двести. Если нельзя будет никак иначе – две тысячи пятьсот. Если ты увидишь, что перед тобой сумасшедший, – две шестьсот. Но тогда скажи, что мы будем проклинать его веки вечные.

– Ладно.

Мы надраили машину до немыслимого блеска. Я сел за руль. Кестер положил мне руку на плечо:

– Робби, помни: ты был солдатом и не раз бывал в переделках. Защищай честь нашей мастерской до последней капли крови. Умри, но не снимай руки с бумажника Блюменталя.

– Будет сделано, – улыбнулся я.

Ленц вытащил какую-то медаль из кармана:

– Потрогай мой амулет, Робби!

– Пожалуйста.

Я потрогал медаль.

Готтфрид произнес заклинание:

– Абракадабра, великий Шива, благослови этого трусишку, надели его силой и отвагой! Или лучше вот что – возьми-ка амулет с собой! А теперь сплюнь три раза.

– Все в порядке, – сказал я, плюнул ему под ноги и поехал. Юпп возбужденно отсалютовал мне бензиновым шлангом.

По дороге я купил несколько пучков гвоздики и искусно, как мне показалось, расставил их в хрустальные вазочки, укрепленные в машине. Это было рассчитано на фрау Блюменталь.

К сожалению, Блюменталь принял меня в конторе, а не на квартире. Мне пришлось подождать четверть часа. «Знаю я эти штучки, дорогой мой, – подумал я. – Этим ты меня не смягчишь». В приемной я разговорился с хорошенькой стенографисткой и, подкупив ее гвоздикой из своей петлицы, стал выведывать подробности о фирме ее патрона. Трикотажное производство, хороший сбыт, в конторе девять человек, сильнейшая конкуренция со стороны фирмы «Майер и сын», сын Майера разъезжает в двухместном красном «эссексе» – вот что успел я узнать, пока Блюменталь распорядился позвать меня.

Он сразу же попробовал взять меня на пушку.

– Молодой человек, – сказал он. – У меня мало времени. Цена, которую вы мне недавно назвали, – ваша несбыточная мечта. Итак, положа руку на сердце, сколько стоит машина?

– Семь тысяч, – ответил я.

Он резко отвернулся:

– Тогда ничего не выйдет.

– Господин Блюменталь, – сказал я, – взгляните на машину еще раз…

– Незачем, – прервал он меня. – Ведь недавно я ее подробно осмотрел…

– Можно видеть и видеть, – заметил я. – Вам надо посмотреть детали. Первоклассная лакировка, выполнена фирмой «Фоль и Рурбек», себестоимость – двести пятьдесят марок. Новый комплект резины, цена по каталогу – шестьсот марок. Вот вам уже восемьсот пятьдесят. Обивка сидений, тончайший корд…

Он сделал отрицательный жест. Я начал сызнова. Я предложил ему осмотреть роскошный набор инструментов, великолепный кожаный верх, хромированный радиатор, ультрасовременные бамперы – шестьдесят марок пара; как ребенка к матери, меня тянуло назад к «кадиллаку», и я пытался уговорить Блюменталя выйти со мной к машине. Я знал, что, стоя на земле, я, подобно Антею, почувствую прилив новых сил. Когда показываешь товар лицом, абстрактный ужас покупателя перед ценой заметно уменьшается.

Но и Блюменталь хорошо чувствовал свою силу за письменным столом. Он снял очки и только тогда взялся за меня по-настоящему. Мы боролись, как тигр с удавом. Удавом был Блюменталь. Я и оглянуться не успел, как он выторговал полторы тысячи марок в свою пользу.

У меня затряслись поджилки. Я сунул руку в карман и крепко сжал амулет Готтфрида.

– Господин Блюменталь, – сказал я, заметно выдохшись, – уже час дня, вам, конечно, пора обедать! – Любой ценой я хотел выбраться из этой комнаты, в которой цены таяли как снег.

– Я обедаю только в два часа, – холодно ответил Блюменталь. – Но знаете что? Мы могли бы совершить сейчас пробную поездку.

Я облегченно вздохнул.

– Потом продолжим разговор, – добавил он.

У меня снова сперло дыхание.

Мы поехали к нему домой. К моему изумлению, оказавшись в машине, он вдруг совершенно преобразился и добродушно рассказал мне старинный анекдот о кайзере Франце-Иосифе. Я ответил ему анекдотом о трамвайном кондукторе; тогда он рассказал мне о заблудившемся саксонце, а я ему про шотландскую любовную пару… Только у подъезда его дома мы снова стали серьезными. Он попросил меня подождать и отправился за женой.

– Мой дорогой толстый «кадиллак», – сказал я и похлопал машину по радиатору. – За всеми этими анекдотами, бесспорно, кроется какая-то новая дьявольская затея. Но не волнуйся, мы пристроим тебя под крышей его гаража. Он купит тебя: уж коли еврей возвращается обратно, то он покупает. Когда возвращается христианин, он еще долго не покупает. Он требует с полдюжины пробных поездок, чтобы экономить на такси, и после всего вдруг вспоминает, что вместо машины ему нужно приобрести оборудование для кухни. Нет, нет, евреи хороши, они знают, чего хотят. Но клянусь тебе, мой дорогой толстяк: если я уступлю этому потомку строптивого Иуды Маккавея еще хоть одну сотню марок, то в жизни не притронусь больше к водке.

Появилась фрау Блюменталь. Я вспомнил все наставления Ленца и мгновенно превратился из воина в кавалера. Заметив это, Блюменталь гнусно усмехнулся. Это был железный человек, ему бы торговать не трикотажем, а паровозами.

Я позаботился о том, чтобы его жена села рядом со мной, а он – на заднее сиденье.

– Куда разрешите вас повезти, сударыня? – спросил я сладчайшим голосом.

– Куда хотите, – ответила она с материнской улыбкой.

Я начал болтать. Какое блаженство беседовать с таким простодушным человеком. Я говорил тихо, Блюменталь мог слышать только обрывки фраз. Так я чувствовал себя свободнее. Но все-таки он сидел за моей спиной, и это само по себе было достаточно неприятно.

Мы остановились. Я вышел из машины и посмотрел своему противнику в глаза:

– Господин Блюменталь, вы должны согласиться, что машина идет идеально.

– Пусть идеально, а толку что, молодой человек? – возразил он мне с непонятной приветливостью. – Ведь налоги съедают все. Налог на эту машину слишком высок. Это я вам говорю.

– Господин Блюменталь, – сказал я, стремясь не сбиться с тона, – вы деловой человек, с вами я могу говорить откровенно. Это не налог, а издержки. Скажите сами, что нужно сегодня для ведения дела? Вы это знаете: не капитал, как прежде, но кредит. Вот что нужно! А как добиться кредита? Надо уметь показать себя. «Кадиллак» – солидная и быстроходная

машина, уютная, но не старомодная. Выражение здравого буржуазного начала. Живая реклама для фирмы.

Развеселившись, Блюменталь обратился к жене.

– У него еврейская голова, а?.. Молодой человек, – сказал он затем, – в наши дни лучший признак солидности – потрепанный костюм и поездки в автобусе, вот это реклама! Если бы у нас с вами были деньги, которые еще не уплачены за все эти элегантные машины, мчащиеся мимо нас, мы могли бы с легким сердцем уйти на покой. Это я вам говорю. Доверительно.

Я недоверчиво посмотрел на него. Почему он вдруг стал таким любезным? Может быть, присутствие жены умеряет его боевой пыл? Я решил выпустить главный заряд:

– Ведь такой «кадиллак» не чета какому-нибудь «эссексу», не так ли, сударыня? Младший совладелец фирмы «Майер и сын», например, разъезжает в «эссексе», а мне и даром не нужен этот ярко-красный драндулет, режущий глаза.

Блюменталь фыркнул, и я быстро добавил:

– Между прочим, сударыня, цвет обивки очень вам к лицу – приглушенный синий кобальт для блондинки…

Вдруг лицо Блюменталя расплылось в широкой улыбке. Смеялся целый лес обезьян.

– «Майер и сын» – здорово! Вот это здорово! – стонал он. – И вдобавок еще эта болтовня насчет кобальта и блондинки…

Я взглянул на него, не веря своим глазам: он смеялся от души! Не теряя ни секунды, я ударил по той же струне:

– Господин Блюменталь, позвольте мне кое-что уточнить. Для женщины это не болтовня. Это комплименты, которые в наше жалкое время, к сожалению, слышатся все реже. Женщина – это вам не металлическая мебель; она – цветок. Она не хочет деловитости. Ей нужны солнечные, милые слова. Лучше говорить ей каждый день что-нибудь приятное, чем всю жизнь с угрюмым остервенением работать на нее. Это я вам говорю. Тоже доверительно. И кстати, я не делал никаких комплиментов, а лишь напомнил один из элементарных законов физики: синий цвет идет блондинкам.

– Хорошо рычишь, лев, – сказал Блюменталь. – Послушайте, господин Локамп! Я знаю, что могу запросто выторговать еще тысячу марок…

Я сделал шаг назад. «Коварный сатана, – подумал я, – вот удар, которого я ждал». Я уже представлял себе, что буду продолжать жизнь трезвенником, и посмотрел на фрау Блюменталь глазами истерзанного ягненка.

– Но, отец… – сказала она.

– Оставь, мать, – ответил он. – Итак, я мог бы… Но я этого не сделаю. Мне, как деловому человеку, было просто забавно посмотреть, как вы работаете. Пожалуй, еще слишком много фантазии, но все же… Насчет «Майера и сына» получилось недурно. Ваша мать – еврейка?

– Нет.

– Вы имели отношение к готовой одежде?

– Да.

– Вот видите, отсюда и стиль. В какой отрасли работали?

– В душевной, – сказал я. – Я должен был стать школьным учителем.

– Господин Локамп, – сказал Блюменталь, – почет вам и уважение! Если окажетесь без работы, позвоните мне.

Он выписал чек и дал его мне. Я не верил глазам своим! Задаток! Чудо.

– Господин Блюменталь, – сказал я подавленно, – позвольте мне бесплатно приложить к машине две хрустальные пепельницы и первоклассный резиновый коврик.

– Ладно, – согласился он. – Вот и старому Блюменталю достался подарок.

Затем он пригласил меня на следующий день к ужину. Фрау Блюменталь по-матерински улыбнулась мне.

– Будет фаршированная щука, – сказала она мягко.

– Это деликатес, – заявил я. – Тогда я завтра же пригоню вам машину. С утра мы ее зарегистрируем.

* * *

Словно ласточка полетел я назад в мастерскую. Но Ленц и Кестер ушли обедать. Пришлось сдержать свое торжество. Один Юпп был на месте.

– Продали? – спросил он.

– А тебе все надо знать, пострел? – сказал я. – Вот тебе три марки. Построй себе на них самолет.

– Значит, продали, – улыбнулся Юпп.

– Я поеду сейчас обедать, – сказал я. – Но горе тебе, если ты скажешь им хоть слово до моего возвращения.

– Господин Локамп, – заверил он меня, подкидывая монету в воздух, – я нем как могила.

– Так я тебе и поверил, – сказал я и дал газ. Когда я вернулся во двор мастерской, Юпп сделал мне знак.

– Что случилось? – спросил я. – Ты проболтался?

– Что вы, господин Локамп! Могила! – Он улыбнулся. – Только… Пришел этот тип… Насчет «форда».

Я оставил «кадиллак» во дворе и пошел в мастерскую. Там я увидел булочника, который склонился над альбомом с образцами красок. На нем было клетчатое пальто с поясом и траурным крепом на рукаве. Рядом стояла хорошенькая особа с черными бойкими глазками, в распахнутом пальтишке, отороченном поредевшим кроличьим мехом, и в лаковых туфельках, которые ей были явно малы. Черноглазая дамочка облюбовала яркий сурик, но булочник еще носил траур и красный цвет вызывал у него сомнение. Он предложил блеклую желтовато-серую краску.

– Тоже выдумал! – зашипела она. – «Форд» должен быть отлакирован броско, иначе он ни на что не будет похож.

Когда булочник углублялся в альбом, она посылала нам заговорщические взгляды, поводила плечами, кривила рот и подмигивала. В общем, она вела себя довольно резво. Наконец они сошлись на зеленоватом оттенке, напоминающем цвет резеды. К такому кузову дамочке нужен был светлый откидной верх. Но тут булочник показал характер: его траур должен был как-то прорваться, и он твердо настоял на черном кожаном верхе. При этом он оказался в выигрыше: верх мы ставили ему бесплатно, а кожа стоила дороже брезента.

Они вышли из мастерской, но задержались во дворе: едва заметив «кадиллак», черноглазая пулей устремилась к нему:

– Погляди-ка, пупсик, вот так машина! Просто прелесть! Очень мне нравится!

В следующее мгновение она открыла дверцу и шмыгнула на сиденье, щурясь от восторга:

– Вот это сиденье! Колоссально! Настоящее кресло. Не то что твой «форд»!

– Ладно, пойдем, – недовольно пробормотал пупсик.

Ленц толкнул меня – дескать, вперед на врага, и попытайся навязать булочнику машину. Я смерил Готтфрида презрительным взглядом и промолчал. Он толкнул меня сильнее. Я отвернулся.

Булочник с трудом извлек свою черную жемчужину из машины и ушел с ней, чуть сгорбившись и явно расстроенный.

Мы смотрели им вслед.

– Человек быстрых решений! – сказал я. – Машину отремонтировал, завел новую женщину… Молодец!

– Да, – заметил Кестер. – Она его еще порадует.

Только они скрылись за углом, как Готтфрид напустился на меня:

– Ты что же, Робби, совсем рехнулся? Упустить такой случай! Ведь это была задача для школьника первого класса.

– Унтер-офицер Ленц! – ответил я. – Стоять смирно, когда разговариваете со старшим! По-вашему, я сторонник двоеженства и дважды выдам машину замуж?

Стоило видеть Готтфрида в эту великую минуту. От удивления его глаза стали большими, как тарелки.

– Не шути святыми вещами, – сказал он, заикаясь.

Я даже не посмотрел на него и обратился к Кестеру:

– Отто, простись с «кадиллаком», с нашим детищем! Он больше не принадлежит нам. Отныне он будет сверкать во славу фабриканта кальсон! Надеюсь, у него там будет неплохая жизнь! Правда, не такая героическая, как у нас, но зато более надежная.

Я вытащил чек. Ленц чуть не раскололся надвое.

– Но ведь он не… оплачен. Денег-то пока нет?.. – хрипло прошептал он.

– А вы лучше угадайте, желторотые птенцы, – сказал я, размахивая чеком, – сколько мы получим?

– Четыре! – крикнул Ленц с закрытыми глазами.

– Четыре пятьсот! – сказал Кестер.

– Пять, – донесся возглас Юппа, стоявшего у бензоколонки.

– Пять пятьсот! – прогремел я.

Ленц выхватил у меня чек:

– Это невозможно! Чек наверняка останется неоплаченным!

– Господин Ленц, – сказал я с достоинством, – этот чек столь же надежен, сколь ненадежны вы! Мой друг Блюменталь в состоянии уплатить в двадцать раз больше. Мой друг, понимаете ли, у которого я завтра вечером буду есть фаршированную щуку. Пусть это послужит вам примером! Завязать дружбу, получить задаток и быть приглашенным на ужин – вот что значит уметь продать! Так, а теперь вольно!

Готтфрид с трудом овладел собой. Он сделал последнюю попытку:

– А мое объявление в газете! А мой амулет!

Я сунул ему медаль:

– На, возьми свой собачий жетончик. Совсем забыл о нем.

– Робби, ты продал машину безупречно, – сказал Кестер. – Слава Богу, что мы избавились от этой колымаги. Выручка нам очень пригодится.

– Дашь мне пятьдесят марок авансом? – спросил я.

– Сто! Заслужил!

– Может быть, заодно ты возьмешь в счет аванса и мое серое пальто? – спросил Готтфрид, прищурив глаза.

– Может быть, ты хочешь угодить в больницу, жалкий бестактный ублюдок? – спросил я его в свою очередь.

– Ребята, шабаш! На сегодня хватит! – предложил Кестер. – Достаточно заработали за один день! Нельзя испытывать Бога. Возьмем «Карла» и поедем тренироваться. Гонки на носу.

Юпп давно позабыл о своей бензопомпе. Он был взволнован и потирал руки:

– Господин Кестер, значит, пока я тут остаюсь за хозяина?

– Нет, Юпп, – сказал Отто, смеясь, – поедешь с нами!

Сперва мы поехали в банк и сдали чек. Ленц не мог успокоиться, пока не убедился, что чек настоящий. А потом мы понеслись, да так, что из выхлопа посыпались искры.

VIII

Я стоял перед своей хозяйкой.

– Пожар, что ли, случился? – спросила фрау Залевски.

– Никакого пожара, – ответил я. – Просто хочу уплатить за квартиру.

До срока оставалось еще три дня, и фрау Залевски чуть не упала от удивления.

– Здесь что-то не так, – заметила она подозрительно.

– Все абсолютно так, – сказал я. – Можно мне сегодня вечером взять оба парчовых кресла из вашей гостиной?

Готовая к бою, она уперла руки в толстые бедра:

– Вот так раз! Вам больше не нравится ваша комната?

– Нравится. Но ваши парчовые кресла еще больше.

Я сообщил ей, что меня, возможно, навестит кузина и что поэтому мне хотелось бы обставить свою комнату поуютнее. Она так расхохоталась, что грудь ее заходила ходуном.

– Кузина, – повторила она презрительно. – И когда придет эта кузина?

– Еще неизвестно, придет ли она, – сказал я, – но если она придет, то, разумеется, рано… Рано вечером, к ужину. Между прочим, фрау Залевски, почему, собственно, не должно быть на свете кузин?

– Бывают, конечно, – ответила она, – но для них не одалживают кресла.

– А я вот одалживаю, – сказал я твердо, – во мне очень сильно развиты родственные чувства.

– Как бы не так! Все вы ветрогоны. Все, как один. Можете взять парчовые кресла. В гостиную поставите пока красные плюшевые.

– Благодарю. Завтра принесу все обратно. И ковер тоже.

– Ковер? – Она повернулась. – Кто здесь сказал хоть слово о ковре?

– Я. И вы тоже. Вот только сейчас.

Она возмущенно смотрела на меня.

– Без него нельзя, – сказал я. – Ведь кресла стоят на нем.

– Господин Локамп! – величественно произнесла фрау Залевски. – Не заходите слишком далеко! Умеренность во всем, как говаривал покойный Залевски. Следовало бы и вам усвоить это.

Я знал, что покойный Залевски, несмотря на этот девиз, однажды напился так, что умер. Его жена часто сама рассказывала мне о его смерти. Но дело было не в этом. Она пользовалась своим мужем, как иные люди Библией, – для цитирования. И чем дольше он лежал в гробу, тем чаще она вспоминала его изречения. Теперь он годился уже на все случаи – как и Библия.

* * *

Я прибирал свою комнату и украшал ее. Днем я созвонился с Патрицией Хольман. Она болела, и я не видел ее почти неделю. Мы условились встретиться в восемь часов; я предложил ей поужинать у меня, а потом пойти в кино. Парчовые кресла и ковер казались мне роскошными, но освещение портило все. Рядом со мной жили супруги Хассе. Я постучал к ним, чтобы попросить настольную лампу. Усталая фрау Хассе сидела у окна. Мужа еще не было. Опасаясь увольнения, он каждый день добровольно пересиживал час-другой на работе. Его жена чем-то напоминала больную птицу. Сквозь ее расплывшиеся стареющие черты все еще проступало нежное лицо ребенка, разочарованного и печального.

Я изложил свою просьбу. Она оживилась и подала мне лампу.

– Да, – сказала она, вздыхая, – как подумаешь, что если бы в свое время…

Я знал эту историю. Речь шла о том, как сложилась бы ее судьба, не выйди она за Хассе. Ту же историю я знал и в изложении самого Хассе. Речь шла опять-таки о том, как бы сложилась его судьба, останься он холостяком. Вероятно, это была самая распространенная история в мире. И самая безнадежная.

Я послушал ее с минутку, произнес несколько ничего не значащих фраз и направился к Эрне Бениг, чтобы взять у нее патефон.

Фрау Хассе говорила об Эрне лишь как об «особе, живущей рядом». Она презирала ее, потому что завидовала. Я же относился к ней довольно хорошо. Эрна не строила себе никаких иллюзий и знала, что надо держаться покрепче за жизнь, чтобы урвать хоть немного от так называемого счастья. Она знала также, что за него приходится платить двойной и тройной ценой. Счастье – самая неопределенная и дорогостоящая вещь на свете.

Эрна опустилась на колени перед чемоданом и достала несколько пластинок.

– Хотите фокстроты? – спросила она.

– Нет, – ответил я. – Я не танцую.

Она подняла на меня удивленные глаза:

– Вы не танцуете? Позвольте, но что же вы делаете, когда идете куда-нибудь с дамой?

– Устраиваю танец напитков в глотке. Получается неплохо.

Она покачала головой:

– Мужчине, который не умеет танцевать, я бы сразу дала отставку.

– У вас слишком строгие принципы, – возразил я. – Но ведь есть и другие пластинки. Недавно я слышал очень приятную – женский голос… что-то вроде гавайской музыки…

– О, это замечательная пластинка! «И как же могла я жить без тебя!..» Вы про эту?

– Правильно!.. Что только не приходит в голову авторам этих песенок! Мне кажется, кроме них, нет больше романтиков на земле.

Она засмеялась:

– Может быть, и так. Прежде писали стихи в альбомы, а нынче дарят друг другу пластинки. Патефон тоже вроде альбома. Если я хочу вспомнить что-нибудь, мне надо только поставить нужную пластинку, и все оживает передо мной.

Я посмотрел на груды пластинок на полу.

– Если судить по этому, Эрна, у вас целый ворох воспоминаний.

Она поднялась и откинула со лба рыжеватые волосы.

– Да, – сказала она и отодвинула ногой стопку пластинок, – но мне было бы приятнее одно, настоящее и единственное…

Я развернул покупки к ужину и приготовил все, как умел. Ждать помощи из кухни не приходилось: с Фридой у меня сложились неважные отношения. Она бы разбила что-нибудь. Но я обошелся без ее помощи. Вскоре моя комната преобразилась до неузнаваемости – она вся сияла.

Я смотрел на кресла, на лампу, на накрытый стол, и во мне поднималось чувство беспокойного ожидания.

Я вышел из дому, хотя в запасе у меня оставалось больше часа времени. Ветер дул затяжными порывами, огибая углы домов. Уже зажглись фонари. Между домами повисли сумерки, синие, как море. «Интернациональ» плавал в них, как военный корабль с убранными парусами. Я решил войти туда на минутку.

– Гоп-ля, Роберт, – обрадовалась мне Роза.

– А ты почему здесь? – спросил я. – Разве тебе не пора начинать обход?

– Рановато еще.

К нам неслышно подошел Алоис.

– Ром? – спросил он.

– Тройную порцию, – ответил я.

– Здорово берешься за дело, – заметила Роза.

– Хочу немного подзарядиться, – сказал я и выпил ром.

– Сыграешь? – спросила Роза.

Я покачал головой:

– Не хочется мне сегодня, Роза. Очень уж ветрено на улице. Как твоя малышка?

Она улыбнулась, обнажив все свои золотые зубы:

– Хорошо. Пусть бы и дальше так. Завтра опять схожу туда. На этой неделе неплохо подзаработала: старые козлы разыгрались – весна им в голову ударила. Вот и отнесу завтра дочке новое пальтишко. Из красной шерсти.

– Красная шерсть – последний крик моды.

– Какой ты галантный кавалер, Робби!

– Смотри не ошибись. Давай выпьем по одной. Анисовую хочешь?

Она кивнула. Мы чокнулись.

– Скажи, Роза, что ты, собственно, думаешь о любви? – спросил я. – Ведь в этих делах ты понимаешь толк.

Она разразилась звонким смехом.

– Перестань говорить об этом, – сказала она, успокоившись. – Любовь! О мой Артур! Когда я вспоминаю этого подлеца, я и теперь еще чувствую слабость в коленях. А если по-серьезному, так вот что я тебе скажу, Робби: человеческая жизнь тянется слишком долго для одной любви. Просто слишком долго. Артур сказал мне это, когда сбежал от меня. И это верно. Любовь чудесна. Но кому-то из двух всегда становится скучно. А другой остается ни с чем. Застынет и чего-то ждет… Ждет, как безумный…

– Ясно, – сказал я. – Но ведь без любви человек – не более чем покойник в отпуске.

– А ты сделай, как я, – ответила Роза. – Заведи себе ребенка. Будет тебе кого любить, и на душе спокойно будет.

– Неплохо придумано, – сказал я. – Только этого мне не хватало!

Роза мечтательно покачала головой:

– Ах, как меня лупцевал мой Артур… И все-таки, войди он сейчас сюда в своем котелке, сдвинутом на затылок… Боже мой! Только подумаю об этом – и уже вся трясусь!

– Ну, давай выпьем за здоровье Артура.

Роза рассмеялась:

– Пусть живет, потаскун этакий!

Мы выпили.

– До свидания, Роза. Желаю удачного вечера!

– Спасибо! До свидания, Робби!

* * *

Хлопнула парадная дверь.

– Алло, – сказала Патриция Хольман. – Какой задумчивый вид!

– Нет, совсем нет! А вы как поживаете? Выздоровели? Что с вами было?

– Ничего особенного. Простудилась, потемпературила немного.

Она вовсе не выглядела больной или изможденной. Напротив, ее глаза никогда еще не казались мне такими большими и сияющими, лицо порозовело, а движения были мягкими, как у гибкого, красивого животного.

– Вы великолепно выглядите, – сказал я. – Совершенно здоровый вид! Мы можем придумать массу интересного.

– Хорошо бы, – ответила она. – Но сегодня не выйдет. Сегодня я не могу.

Я посмотрел на нее непонимающим взглядом:

– Вы не можете?

Она покачала головой:

– К сожалению, нет.

Я все еще не понимал. Я решил, что она просто раздумала идти ко мне и хочет поужинать со мной в другом месте.

– Я звонила вам, – сказала она, – хотела предупредить, чтобы вы не приходили зря. Но вас уже не было.

Наконец я понял.

– Вы действительно не можете? Вы заняты весь вечер? – спросил я.

– Сегодня да. Мне нужно быть в одном месте. К сожалению, я сама узнала об этом только полчаса назад.

– А вы не можете договориться на другой день?

– Нет, не получится. – Она улыбнулась. – Нечто вроде делового свидания.

Меня словно обухом по голове ударили. Я учел все, только не это. Я не верил ни одному ее слову. Деловое свидание – но у нее был отнюдь не деловой вид! Вероятно, просто отговорка. Даже наверно. Да и какие деловые встречи бывают по вечерам? Их устраивают днем. И узнают о них не за полчаса. Просто она не хотела, вот и все.

Я расстроился, как ребенок. Только теперь я почувствовал, как мне был дорог этот вечер. Я злился на себя за свое огорчение и старался не подавать виду.

– Что ж, ладно, – сказал я. – Тогда ничего не поделаешь. До свидания.

Она испытующе посмотрела на меня:

– Еще есть время. Я условилась на девять часов. Мы можем еще немного погулять. Я целую неделю не выходила из дому.

– Хорошо, – нехотя согласился я. Внезапно я почувствовал усталость и пустоту.

Мы пошли по улице. Вечернее небо прояснилось, и звезды застыли между крышами. Мы шли вдоль газона, в тени виднелось несколько кустов. Патриция Хольман остановилась.

– Сирень, – сказала она. – Пахнет сиренью! Не может быть! Для сирени еще слишком рано.

– Я и не слышу никакого запаха, – ответил я.

– Нет, пахнет сиренью. – Она перегнулась через решетку.

– Это «дафна индика», сударыня, – донесся из темноты грубый голос.

Невдалеке, прислонившись к дереву, стоял садовник в фуражке с латунной бляхой. Он подошел к нам, слегка пошатываясь. Из его кармана торчало горлышко бутылки.

– Мы ее сегодня высадили, – заявил он и звучно икнул. – Вот она.

– Благодарю вас, – сказала Патриция Хольман и повернулась ко мне: – Вы все еще не слышите запаха?

– Нет, теперь что-то слышу, – ответил я неохотно. – Запах доброй пшеничной водки.

– Правильно угадали. – Человек в тени громко рыгнул.

Я отчетливо слышал густой, сладковатый аромат цветов, плывший сквозь мягкую мглу, но ни за что на свете не признался бы в этом.

Девушка засмеялась и расправила плечи:

– Как это чудесно, особенно после долгого заточения в комнате! Очень жаль, что мне надо уйти! Этот Биндинг! Вечно у него спешка, все делается в последнюю минуту. Он вполне мог бы перенести встречу на завтра!

– Биндинг? – спросил я. – Вы условились с Биндингом?

Она кивнула:

– С Биндингом и еще с одним человеком. От него-то все и зависит. Серьезно, чисто деловая встреча. Представляете себе?

– Нет, – ответил я. – Этого я себе не представляю.

Она снова засмеялась и продолжала говорить. Но я больше не слушал. Биндинг! Меня словно молния ударила. Я не подумал, что она знает его гораздо дольше, чем меня. Я видел только его непомерно огромный, сверкающий «бьюик», его дорогой костюм и бумажник. Моя бедная, старательно убранная комнатенка! И что это мне взбрело в голову. Лампа Хассе, кресла фрау Залевски! Эта девушка вообще была не для меня! Да и кто я? Пешеход, взявший напрокат «кадиллак», жалкий пьяница, больше ничего! Таких можно встретить на каждом углу. Я уже видел, как швейцар в «Лозе» козыряет Биндингу, видел светлые, теплые, изящно отделанные комнаты, облака табачного дыма и элегантно одетых людей, я слышал музыку и смех, издевательский смех над собой. «Назад, – подумал я, – скорее назад. Что же… во мне возникло какое-то предчувствие, какая-то надежда… Но ведь ничего, собственно, не произошло! Было бессмысленно затевать все это. Нет, только назад!»

– Мы можем встретиться завтра вечером, если хотите, – сказала Патриция.

– Завтра вечером я занят, – ответил я.

– Или послезавтра, или в любой день на этой неделе. У меня все дни свободны.

– Это будет трудно, – сказал я. – Сегодня мы получили срочный заказ, и нам, наверно, придется работать всю неделю допоздна.

Это было вранье, но я не мог иначе. Вдруг я почувствовал, что задыхаюсь от бешенства и стыда.

Мы пересекли площадь и пошли по улице, вдоль кладбища. Я заметил Розу. Она шла от «Интернационаля». Ее высокие сапожки были начищены до блеска. Я мог бы свернуть и, вероятно, так бы и сделал при других обстоятельствах, – но теперь я продолжал идти ей навстречу. Роза смотрела мимо, словно мы и не были знакомы. Таков непреложный закон: ни одна из этих девушек не узнавала вас на улице, если вы были не одни.

– Здравствуй, Роза, – сказал я.

Она озадаченно посмотрела сначала на меня, потом на Патрицию, кивнула и, смутившись, поспешно пошла дальше. Через несколько шагов мы встретили ярко накрашенную Фрицци. Покачивая бедрами, она размахивала сумочкой. Она равнодушно посмотрела на меня, как сквозь оконное стекло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.